

Н.В. ЗАХАРОВ

ЖУЛИКИ

КНИГА СЕДЬМАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Захаров
Жулики. Книга 7

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Захаров Н.

Жулики. Книга 7 / Н. Захаров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В книге описаны события, произошедшие, по мнению автора, в девяностых годах 20-го века. «Лихие девяностые» со стрельбой и погонями переплетаются с прошедшими временами, не менее «лихими». Все совпадения имен персонажей с реально живущими людьми совершенно случайны. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1

Невзирая на несогласие Нины Андреевны, Мишка с Катюшей все же отправились на недельку в Москву 18-го века, взяв слово с белошвеек, что они об этом будут молчать ровно год. Через неделю Катюша и сама запросилась обратно, вспоминая горячую воду в ванной:

– Мы-то привычны, а вот ребяташек подмывать и вообще там матушка уже, наверное, с ума сходит, – оправдывалась она.

– Солнышко, да мы назад минутой позже всего вернемся. Она же часа на два ушла. Успеем следы пребывания здесь ликвидировать. Отмоемся, как следует, – успокоил ее Мишка.

В Москве уже объявили о кончине Императрицы-Государыни и восшествии на престол нового Императора, которого ждали, в Первопрестольную, на коронацию. Москва гудела только об этом.

Сергея, с которым Мишка не виделся почти месяц, появился в первый же день и по секрету сообщил, отведя в сторону, что Ксения Петербургская именно Аннушку, у которой братья кузнецы, и имела в виду.

– Засылал к ней тут сватов один гусь из лавки скобяной – Путятин фамилия. Рожа прилизанная, с усиками погаными.

– И чем сватовство закончилось?

– Отшила их Анюта. А братья ей перечить не посмели. Она из них обломов, веревки вьет. Родителей-то нет. Так она им за мать. Как скажет, так и будет по еёному. Кремень девка. Навроде твоей Катюни. Даже, пожалуй, построже будет.

– Ну и ты что теперь?

– Не знаю. Пока на уровне ухаживания. Больно она строга. Прямо дотронуться боюсь. Вдруг промеж глаз как даст, а из-за угла братья сразу все трое выскочат, – поежился Сергей.

– Ну, Серый! Если так, то оставь девушку в покое. Что ты все "братья, братья". Можно подумать, что если что, то ты им по шеям не наkostenяешь.

– В том-то и дело что рука не поднимется. Потому как виноватым себя буду ощущать. Да где тебе понять-то. У твоей Катерины братьев кузнецов-то нет.

– Ну и что? Ну, были бы, если, так что я на ней жениться бы побоялся? Вот о ее родственниках я как-то в последнюю очередь думал. Увидел и сразу понял, что ОНА это. А ты что чувствуешь, когда на Аннушку смотришь?

– Чувствую, что "крандец".

– В смысле?

– Ну, "звиздец" в смысле. Что вроде ОНА, как ты сказал, но вот братаны ее чего-то мне, как-то охоту отбивают. Больно уж семейство серьезное. А я, сам знаешь, люблю людей юморных.

– Так, может быть, ты их пока плохо знаешь? Ты с братьями-то хоть один раз пообщался?

– Как же. Обижаешь. Познакомился. Старший на меня таким зверем глянул, что я на три дня аппетита лишился. Прямо не знаю, что и делать. И Аннушка опять же недотрога жуткая.

– Давай я с ней поговорю? Может быть ты ей не нравишься, а она боится тебя отшить, потому что ты вроде как родственник Екаторинин?

– Точно. Поговори. Только остороженько. Поделикатней какнибудь. Подумает еще невеста что. А я, если ей не по нраву, потихоньку слиняю на годок другой, пока она за какогонибудь другого "путятина" с "кувшинным рылом" не выйдет.-

Мишка откладывать разговор с девушкой не стал и тут же поперся к ней, повод придумав самый незамысловатый. Пуговицу на камзоле попросил пришить, вырвав ее с мясом минутой ранее.

– Извини, Аннушка, что от работы отрываю. Пуговица вот отвалилась, а Катюшу не хочу беспокоить она прилегла с ребяташками,– обратился он к ней.

– Ну, что вы, Михаил Петрович,– обрадовалась девушка возможности помочь мужу обожаемой подружки.– Я скоренько. Снимайте одежду.

Мишка передал ей камзол.

– Слышал я, что сватов к тебе нынче осенью засылали, а ты их не приняла. Жених что ли негодящий оказался?– начал он, как ему показалось деликатно и издалека.

– Вас уж не Сергей ли Алексеевич попросил со мной поговорить?– огорошила его встречным вопросом Аннушка, взглянув вопросительно.

– Вот те на! С чего это ты взяла? Просто к слову пришлось,– начал выкручиваться Мишка.

– А лукавить вы, Михаил Петрович, вовсе не умеете. Вон и уши покраснели. Значит, угадала я правильно.

– Ну, ты Анюта, прямо ясновидящая, блин горелый. Ну, попросил. Мается ведь в неизвестности. Кажется ему, что ты его терпишь рядом с собой поневоле вроде как. Потому как он родственник Катюшин дальний, через меня теперь.

– Больно робок, Сергей-то Алексеевич,– вздохнула Аннушка, орудуя иглой.

– Вот как? А он говорит, что больно ты строга с ним. Прямо недотрога. Обидеть боится.

– Я недотрога?– фыркнула возмущенно девушка.– Да он дотронулся хоть разок-то?

– Погоди, погоди, погоди. Так тебе он нравится или наоборот глаза бы на него "робкого" такого не глядели бы? Говори как есть и не бойся обидеть никого. Перетерпит, зато под ногами у тебя путаться не будет. Может у тебя кто на примете уже есть, а он тут круги выписывает котом мартовским.

– Он... котом?– хихикнула Аннушка и, не удержавшись, засмеялась в голос на всю мастерскую.

Белошвейки прекратили стрекотать на машинках и радостно повернули все сразу головы в их сторону.

– Что за веселье?– спросила Марфуша.– Мы тоже посмеемся.

– Да вот, Михаил Петрович, Сергея Алексеевича с котом мартовским сравнил,– "сдала" Мишку Аннушка и все девицы покатались со смеху, будто невесть какую смешную шутку услышали.

– И что смешного?– обиделся Мишка.

– Да какой же он кот, Михаил Петрович? Робок больно,– продолжая хихикать, повторила слова Аннушки Марфуша.

– Да ну вас. Работайте и не отвлекайтесь. Швы кривые получатся, а виноватым потом меня объявите,– запустил Мишка булыжник в огород белошвеек.

– Ну, нет, мы этого делать не станем, Михаил Петрович. Мы распорем и снова перешьем,– успокоили его девушки.

– Ну, так что Сереге-то сказать?

– А я ему сама все сегодня вечером скажу,– шепнула ему на ухо Аннушка.– Вот ваш камзол, Михаил Петрович.

– Спасибо,– Мишка сделал реверанс на манер мушкетерского, рассмешив всю мастерскую еще раз. Так под хохот белошвеек и вышел.

Серега ждал его, как договорились в трапезной, изнывая от нетерпения.

– Ну, чего там? Что там за ржач поднялся? Надо мной что ли смеялись?– заподозрил он сразу неладное.

– Нет. Просто пошутил с девчонками. Они же, как дети смешливые. Палец покажи и ухахатываются сразу.

– А ты целых два показал? Вон как разобрало. До сих пор кудахчут. Ну, поговорил?

- Поговорил.
  - Что сказал?
  - Спросил деликатно, какого хрена недотрожничают?
  - Что прямо так и ляпнул?
  - Ну, ты, Серега, даешь. Нет, конечно. Вежливо и очень окольными, так сказать, путями подошел к теме.
  - Ну и..?
  - Сказала, что сама тебе вечером после работы все скажет.
  - Держите меня семеро, – побледнел Серега.
  - Сказала еще, что больно робок ты и с чувством юмора у тебя видать не все в порядке.
- А у них семейство веселое и тебя стесняются братья-то.
- Ну да? – улыбнулся недоверчиво Серега.
  - Хочешь, я с братьями Аннушкиными на эту тему поговорю?
  - Ну, уж нет. Хватит. Спасибо. Какнибудь уж сам теперь. Робок значит я? Ну, Анька, держись теперь. Я тебе покажу робок. А братцы значит юмористы все трое, только при мне юморить стесняются? Ну, я им сегодня устрою день смеха.
  - Э-э! Друг ситный, ты чего надумал? – забеспокоился Мишка. – Не вздумай прикалываться над братьями-то.
  - Да не собираюсь я ни над кем прикалываться, – Серега ухмыльнулся. – Сватов завтра к Аннушке зашлю. Пошел к Силиверстовичу, ну и Леонидович для такого дела в самый раз.
  - Ты прямо как с цепи сорвался. Поговори сперва с девушкой. Может она тебя отшить хочет самолично.
  - Я ей отошью. Блин. А Ксения забыл что сказала? "Твою жену сватают". А она не ошибается никогда.
  - Уверовал, значит? Чего же тянул кота за хвост столько времени? Уже бы свадьбу отгуляли. Точно, Серега, – робок ты стал что-то в последнее время. Права Аннушка-то.
- Не известно о чем Сергей разговаривал с Аннушкой, провожая ее после работы домой, но вернулся он после этого разговора, радостно улыбаясь, и помчался, разыскивать Силиверстовича и Леонидовича, отмахнувшись от Мишкиных расспросов.
- Пospел никак Сергей-то, – сделала вывод Катюша. – Да и то, сколько можно вокруг да около, слоняться. Ровно мальчонка десятилетний помчался. Хворостины только не хватает для полного сходства. Значит, скоро на свадьбе гулять будем? Тут уж Нина Андреевна нас не удержит.
  - Да она нас с тобой и не держала. Она мальчишек против, таскать туда-сюда. А нам-то можно.
  - Вот и славно. Скажи Сергею, пусть заявится в Питер и пригласит при матушке. Чтoб чего плохого не дай Бог не подумала.
  - Ох, и хитрющая ты у меня лиса, Катерина.
  - Не хитрющая, а заботливая. Матушка-то переживать станет. А ей нельзя, она уже старенькая.
  - Ты только ей это не скажи. Обидится жутко. Да и какая же она старенькая? Ты что, Катюш? Да ей все тридцать лет дают.
- Батюшка вон ревнует ее до сих пор.
- Ревнует, потому что любит.
  - Любит, конечно. Мотается вон за двести лет туда и обратно каждый день.
  - Не правда, Мишань. Не каждый день мотается батюшка. Иногда и матушка мотается.
  - Ну, какая разница? Они же друг без друга одной минуты не могут прожить.
  - А ты без меня как живешь?
  - Плохо живу. Не сплю, не ем. Кошмарная жизнь, – признался Мишка, обнимая жену.

– Потерпи чуток. Скоро детишки подрастут, и тогда всем семейством будем путешествовать.

– Спасибо, Катенька. Сядем на Лерку с Веркой и как махнем через пустыню Гоби.

– Погодь ка. Какие лошади, какая пустыня? Сядем на самолет и полетим к морю. А там песочек и волны зелененькие,– Катюша зажмурилась, размечтавшись.

– А еще на Бородинское поле поскачем. Я вам по пистолю агромадному выдам. Будете от басурман французских Москву оборонять.

– Какие пистолы, Миш? Ты что. Нельзя детям пистолы. Да и я не умею с ними обращаться. Не надо пистолей. Давай лучше к морю. Там эти,.. пальмы, там солнышко и в бассейне вода как щелок.

– Ладно, уговорила. Поедем к морю,– сдался Мишка.

– Какой ты у меня покладистый,– обрадовалась Катюша.– Пойду ужин готовить, скоро уж и Силиверстович с Леонидовичем заявятся. Батюшка-то домой отправится. У меня от вашей этой машинки скоро голова начнет кружиться. Как так может быть, что он туда отправится сегодня, а мы туда отправимся через день и все равно мы вперед него там будем, так что он сейчас туда попав, после нас там окажется?

– Да все просто. Мы время раньше в том дне выберем и все,– объяснил Мишка, поняв, что супруга хоть и кивнула, но ничего не поняла.

Силиверстович и Леонидович появились к ужину в сопровождении возбужденного до крайности Сереги.

– Вот, Миш, подтверди, что намерения у меня самые серьезные. Изволят сомневаться ископаемые наши старички,– обратился он к Мишке.

– А будешь дерзить, так вообще ни куда не пойдем, даже если намерения эти и в самом деле самые наисерьезнейшие,– обиделся Силиверстович.– Ишь слово какое подыскал – "ископаемые". Сам ты "ископаемое".

– Виноват, погорячился. Дедуль, ну прости Христа ради. Ты же сам все время понужал. "Женись, да женись, правнуков хочу", а теперь значит, что не хочешь больше? Федор Леонидович, помилосердствуйте.

– Ох, как припекло тебе видать,– вздохнул Силиверстович.– Ладно, уговорил. Завтра воскресенье вот и наведаемся к братьям. Не выгнали бы только. Я такого позора не переживу. Так и знай. Прямо за воротами из этой "Оспы" застрелюсь.

– Ну что ты, дедуль. Да ждут они уже. Мы с Аннушкой обо всем договорились,– Серега даже глаза прикрыл. Видимо вспоминая разговор со своей будущей невестой.

– А братья где в это время были?– поинтересовался Мишка.

– Братья? А сзади шлепали, метрах в пятидесяти, как всегда. Эскортом почетным. Я когда Аннушку на прощанье в щечку поцеловал, так им всем троим чуть плохо не стало. Смотрю, уже жердины из заборов выворачивают. Старший вообще березу из земли с корнями выдернул, вот такой толщины,– Серега показал диаметр ствола.

– Однако следов побоев не наблюдается. Как уgomонил-то?

– Известно как, шуткой и юмором. Рассказал им пару баек. "Завесу", правда, на всякий случай надел. И правильно, кстати, сделал.

– Что бить все же стали?

– Хуже. Обниматься медведи кинулись. Каб не "Завеса" так точно все бы кости переломали.

– А чего это они кинулись обниматься-то? Пообещал чтонибудь пади?

– Ну, не без этого, обещал кузницу семейную открыть. Так сказать семейный бизнес.

– Можно подумать, что у Силиверстовича их старшой зарабатывает плохо.

– Не понять тебе, Мишка, как ни тужься, сидя на сундуках допотопных, что значит для трудового кузнеца собственная наковальня. Сие только мы потомственные кузнецы можем постичь.

– Чего-о-о-о? С каких это пор "мы потомственные кузнецы" стали? Примазываешься к чужой славе, Серега. Не хорошо это. Грех.

– Силиверстович, подтверди про потомственных кузнецов. Кем мой прадед был Силиверстор Никодимыч?

– И верно кузнецом он был, Миш. Тут этот балабол прав, как ни крути. Да и мой дед Никодим, тоже вроде лошадей подковывал. А раньше ведь подолгу тянулись династии. Ремесло кому, если не своим детям в первую очередь передавать? Это я уж отошел от кузни. Подался в город на фабрику швейную, а уж Серега и вовсе о ремесле этом только здесь и узнал. Кузнец. Не смейши людей, потомок "ископаемый".

– Во-о-о-т она, зараза-то. Стоит слово выпустить и понеслось,– поморщился недовольно Серега.

– Мне разрешается, я старый уже. А тебе нельзя потому как молоко на губах не обсохло,– засмеялся Силиверстович.

– Старый? Да ты на себя когда последний раз в зеркало глядел?

– Сегодня глядел, а что? Когда утром брился.

– Да тебе никто сорок уже не дает и, ни кто не верит, что ты мой дед родной. Я уже вру что дядька. А Леонидович? Восемьдесят лет ему что ли сейчас? Тоже сороковник не больше. Вы бы на пилюли-то особенно не налегали. Неровён час процесс омоложения организмами, как нормальное состояние воспримется, нянчайся потом с вами. Пеленки, то се. Я, дедуля, на горшок тебя сажать не стану, так и знай.

– Типун тебе на язык,– испуганно перекрестился Силиверстович.– А что в инструкции пишут по этому поводу?

– Читать надо самому внимательно, прежде чем незнакомый препарат горстями заглатывать. Как дети малые, ей Богу! Дорвались до коробочки с леденцами,– потешался Серега над встревоженными Силиверстовичем и Леонидовичем.

– Ладно, балабол, мы читали все что нужно и ничего там про пеленки и ночные горшки не сказано.

– Ты уверен, дедуль? Нет. Потому что читал ты не внимательно. А я очень дотошно прошелся.

– Да говори уже "дотошный" ты наш. Задолбал,– рассердился Силиверстович.

– Так вот... там сказано, что препарат проходит испытательный период и до конца все его побочные действия на организм не изучены. Не изучены. Значит, все что угодно может произойти. Рога, например, вырастут или копыта с хвостом. А что,.. запросто. Будете на обуви экономить. Раз в полгода поставил новые подковы лошадиные и вперед.

– Сам ты "рога с копытами". Несешь, невесть что. Откуда им рогам-то взяться? Федор Леонидович, утихомирьте подлеца этого языкатого, интеллектом, у меня образования не хватает. Если не сумеете, тогда уж я подключусь со всем усердием, подручными средствами,– совсем расстроился Силиверстович.

– Ты, Сергей Алексеевич, не прав насчет того что не читали мы внимательно документацию по этому препарату. Я изучил самым внимательнейшим образом, до последней запятой. И даже вопросов возникших десятка два, высыпал администратору. Так вот, омолаживающий эффект изучен "допотопниками" очень даже тщательно. Они только этим и занимались по распоряжению Совета Старейшин. Эсэсовцы этим эффектом заинтересовались чрезвычайно. Целая группа была создана из ведущих ученых и подопытных они получили столько, сколько запросили. Что-то около тысячи человек было привлечено добровольцев. Волонтеров, так сказать. В результате выяснилось следующее. Омоложение происходит без негативных послед-

ствий и не до состояния эмбрионального, каковым ты тут нас пытаешься застрашать. Организм возвращается к моменту начала старения, а именно к сорокалетнему возрасту. Дальше принимать его можно, но только для снятия эффекта поглощения энергии "Завесой" этой вашей. Принимать же его без нее бессмысленно. Не будет усваиваться организмом. Вам вот до сорока лет нет надобности в нем, без "Завесы". Только резкая потеря энергии заставляет организм искать резервы и тогда усваивается эта пилюлина. Ну а старость – это вроде общего заболевания, при котором организм работает на износ. Без "Завесы", как в "Завесе". Вот так-то. Напрасно, напрасно, обвинил ты нас, Сергей Алексеевич, в не компетентности.

– Ну, что ж, прошу покорнейше извинить меня, милостивые государи, коли вы такие начитанные. Не пора ли подумать о завтрашней церемонии? Что оденете, как пойдете? – сменил тему Серега, заговорив о насущном для него.

– А чего тут думать? Первый раз что ли? Полотенце повяжем через плечо и вперед, – взглянул на внука искоса Силиверстович. – Эка невидаль.

– Дедуля, какое полотенце? Ты что с дуба рухнул? Тут свои тонкости. Фразеология про купца и товар. Это нужно соблюсти всенепременно. Иначе выставят и дальше порога не пустят. Как бы не пришлось нам с тобой на пару из "Оспы" стреляться.

Глава 2

– Ну, что ж, нужно так нужно. Мишань, зови Катюшу. Если уж она не знает местных обычаев, то тогда уж их и никто не знает, – вынужден был признать правоту внука Силиверстович.

– Давайте за ужином все и обсудим, – внес предложение Мишка.

Обряд сватовства оказался действительно не простым. Силиверстович с Леонидовичем за голову хватались, когда им Катюша принялась объяснять порядок. Как войти, что сказать, да в какой руке что держать и кому что дарить и чем посыпать.

– Нагородили предки от излишка свободного времени, – ворчал Силиверстович, а Леонидович принялся конспектировать лекцию о сватовстве.

– А импровизация допускается? – поинтересовался он у разошедшейся Катюши. – А вот здесь я записал, что родители будущей невесты выходят и в пояс кланяются сватовьям, а ежели нет их. Тогда как?

– Братья выйдут вместо них или крестные мать с отцом, или посаженные отец с матерью, – объяснила Катюша.

– А лобзаться троекратно обязательно со сродичами? Или можно рукопожатием обойтись?

– Обязательно, Федор Леонидович. Православные чай.

– А вот вы сказали, что родители подносят ковш меду. Это сколько в граммах? И что все выпить надо обязательно или пригубить только разрешается человеку не пьющему?

– Выпить обязательно досуха, иначе обида смертельная и отворот – поворот сватам таким. А ковшик небольшой, литра на два. И мед будет не шибко хмельной. Вроде кваса на меду. Вы с утра ничего завтра не ешьте и не пейте, чтобы не опростоволоситься.

– Два литра, – ахнул Академик. – Ох, подведу я вас, ребята. Не справлюсь с таким количеством. Может вы, Катенька, шепнете Анечке, чтобы она пожалела старика и дозу эту ударную чуток, ну раза в три, убавила. А я уж зато все остальное все как надо проведу. Даже барыню спляшу, коль потребуется.

– Хорошо, я попробую, но не обещаю. Дело-то в том, что встречать сватов и мед разливать не Аннушкина обязанность. Братовья выйдут. А с ними ох как не просто будет договориться. Вы, Федор Леонидович, лучше вон с Мишаней договоритесь. Пусть он перстами щелкнет, когда нужно.

– А ведь и верно, – обрадовался Академик. – Петрович, покорнейше прошу. Два самоубийства не допусти у ворот. Каких два? Три. Я ведь эдакого позора тоже не переживу.

– Леонидович, все будет в лучшем виде. Вы какой напиток предпочитаете?

– Воду минеральную без газа предпочитаю. А в детстве сидро любил. Знаете, разливали на улице из колб таких стеклянных.

– Нет, Леонидович, мы такой расцвет Советской власти уже не застали, но сидро так сидро. И сколько осилите?

– Пол литра не более. Остальное уж перелейте кому-нибудь из братцев Аннушкиных, чтобы добро не пропадало.

– А мне пивка жигулевского, пожалуй, тоже пол литра, племянш. Не сочти за труд, – подмигнул Мишке Силиверстович.

– Ну а ты, "купец", что пить будешь?

– Я увиливать не собираюсь, как некоторые несознательные господа. Мед – значит мед. Его ведь Аннушка готовит, вот и узнаю как у нее с этим делом.

– Как скажешь, а то гляди. Могу на валерьянку заменить.

– Чего это на валерьянку? Я и не волнуюсь нисколько,– хмыкнул Серега.– Валерьянку. Сам пей валерьянку. Вон пацаны скоро подрастут и устроят тебе экстремальную жизнь. Готовься заранее.

– Не волнуешься, значит? А чай мой тогда чего вылакал? Подливать из самовара не успеваю. Третью кружку уже влил. Кроме своей.

– А это твоя разве? Тьфу ты. А я-то думаю чего это мне как то нехорошо стало, уже минут пять как. А это оказывается, ты мне свою кружку стремную подсунил. На, забирай, что за манера? А чая я всегда много пью, между прочим,– выкрутился Серега.

Свататься отправились в полдень. Жило семейство Силиных рядом и решено было пройтись пеше. Катюша решила поддержать сватовство и, принарядившись, отправилась чуть пораньше, чтобы осмотреться на месте и проинструктировать братьев, которые по молодости лет вряд ли тоже знали обрядность сватовскую. Домик у Силиных, недавно отстроенный, больше походил на терем, чем на избенку. Старались братья, в два этажа возвели хоромины. Переполох поднялся жуткий, когда сначала заявила Катюша, а потом в ворота постучались сваты.

– Ничего не понял из того что ты мне тут наговорила,– стонал старшой Матвей, теребя бородку.– Сколь меду-то наливать? Али пуцай прямо из бочонка, кто сколь сможет, хлебают?

– Ты что, Матвеюшка, с дуба рухнул?– одернула его Катюша.– Чинно, в ковшичек расписной плеснешь полнехонько чтоб. Вот Егорша с Проней подержат, а ты лей. Да мимо смотри не проливай. Примета плохая. К ссорам.

– Ох, опарфунюсь. Руки на себя наложу. В кузне прямо. Голову на наковальню положу и самым большим молотом хряпну. Чтоб мозги тугие выскочили. Ничего не соображаю. Проня, тащи бочку с медом. Егор, давай ковши. Анюта, ты куда пропала? Господи!– метался по горнице Матвей.

– Все, уgomонились!– прикрикнула Катюша.– Выходи встречать. Чего всполошились? Свои все. Если что не так скажете, то никто не осудит. Главное улыбайтесь, да радуйтесь. О погоде поговорите сначала. Что хороша, дескать, нынче.

– Да какая там хороша? С утра вон дождь зарядил, собака,– Матвей поспешно застегивал пуговицу верхнюю на праздничной косоворотке.

– Так принято у культурных людей. Про погоду только хорошо говорить. "У природы нет плохой погоды. Всякая погода благодать..." Идите уже. Мокнут ведь люди. Обидятся, подумают, что пускать не хотите, да и уйдут обратно,– подгоняла Катюша братьев.

Наконец вышли встречать сватов, которые действительно стояли под моросящим осенним дождиком со снежком вперемишку, сыпавшим с серого осеннего неба и недоумевали, почему им не отпирают резные ворота.

– Это там Катюша видать велела форс держать. Мол, видали мы сватов таких. К нам и получше захаживают из лавок скобяных, чуть не каждое воскресенье,– предположил Мишка.

– Мелешь незнамо что,– бледный от волнения Серега, топтался позади всех, надвинув треуголку офицерскую потуже, чуть не до самого носа.

– А чего это ты в мундир решил вырядиться? Собирался же сюртук надеть новый по такому случаю?

– Сжег сюртук,– признался Серега.– Погладить решил вчера после ужина. Ну и прожог на самом видном месте.

– Попросил бы Катюшу. Или меня.

– Ты что гладить этой чугуниной умеешь?

– Нет, гладить не умею, а вот дырки жженные устраняю запросто.

– Бли-и-н, у меня и из головы выскочило за этой суетней, что ты теперь на все руки перстами щелкать обучен. Ладно, теперь-то уж что? В мундире опять же солиднее.

– Ворота лязгнули засовами и, заскрипев, пустили сватов во двор. Прохор – младший из братьев Силиных, проворно поклонился в пояс и указал рукой на высоченное крыльцо, ступеней в десять, на котором уже стоял Матвей с бочонком медовухи и выдергивал из него зубами пробку. Бочонок был литров на двадцать и, пробка в нем была забита видать на совесть. Сваты двинулись к крыльцу и тогда Матвей зарывчав, справился с проклятой пробкой и ринулся им навстречу, прыгая через три ступени.

– Здравсте, гости проезжие,– рявкнул он.– Угощайтесь с дороги. Погода-то нынче благодать. Пади в горле пересохло от такой лепоты. Егор, подставляй ковши,– Егор сунулся тут же с подносом, размером с тележное колесо, на котором красовались резные ковши, числом семь. Матвей, помня, что проливать мимо, примета худая налил аккуратно полные и Егор обнес сватов, которые послушно их приняли.

– Два литра,– прошептал Леонидович.– Тут три, никак не меньше. Петрович, давай.– Мишка кивнул, принимая свой трехлитровый ковш и тихонько щелкнул "перстами". Себе он просто убавил количество до приемлемого, остальным сделал, как просили. Поэтому Силиверстович, Леонидыч и он сам со своими ковшами управились быстро, а вот Серега свою порцию выпил с явным трудом. Но тоже гораздо быстрее братьев Силиных, которым пришлось пить и за себя и еще два ковша гостевые, которые дополнялись в их собственные по мере поглощения. Бедные братья даже взопрели все трое, но лицом в грязь не ударили и по пять литров все же одолели. Удивленно посматривая на сватов, которые метнули свои в две секунды и теперь ждали их.

– Здоровы же вы, однако, гости дорогие, меды пить,– признал бесспорный факт старший Матвей.– Прошу в избу.

– Славный медок,– похвалил Силиверстович напиток.– Кто готовил? Аль покупной?

– Сестрица у нас на все руки мастерица. Хозяюшка,– расплылся в улыбке Матвей.– Проходите, присаживайтесь. Да сказывайте по какой надобности заглянули в нашу избенку убогую?

– Ах да,– спохватился Академик.– Прослышали мы, что у вас есть классный товар, ну а у нас, стало быть, насущная проблема возникла маркетинг провести. На предмет задействования производственных мощностей. Простаивают, понимаешь без применения соответствующего, прямо беда.

– Что это вы, Федор Леонидович?– вмешалась Катюша. Не классный, а красный вы хотели, наверное, сказать и что купец у вас на него имеется?

– Ну да,– обрадовался подсказке Леонидович.– Красный, конечно же. Прошу простить меня. Совсем из головы все вылетело. Ну и купец само собой, молодой и вон румяный, красный какой,– кивнул Леонидович на бледного и вспотевшего, не смотря на осеннюю свежесть, Серегу.– Так что, ваш товар – наш купец,– Леонидович шлепнул ладонью по дубовой столешнице, застеленной белоснежной вышитой скатертью.

– Да какой же у нас товар?– прикинулся непонимающим Матвей.– Сроду торговыми делами не промышляли. Все больше с железом, да лошадьми дело имеем. Это вам надоть вон туда до угла дойти. Там лавка большая и товара всякого припасено. Скобяная. Чего только нет.

– Нет, Матвей Евпатыевич, нам скобяной товар без надобности,– подключился к разговору Силиверстович.– Нам красну девицу подавай. Говорят, шибко у вас тут девица хороша выцвела. Вот мы и припожаловали с купцом – добрым молодцом. Вы не смотрите, что он на придурка сейчас похож. Это обман зрения, видать от меда вашего сомлел. А вообще парень толковый, если вовремя останавливать. Горяч больно и на язык не сдержан бывает, но это от лет молодых. Остепенится годам к сорока, ему бы супругу построже и тогда совсем молодцом станет,– понесло Силиверстовича,

– Серега морщился, но молчал, как и положено по сватовскому протоколу. А Мишка улыбался и радовался, что ему вот так же не пришлось сидеть перед родственниками Катюшиными, – "Повезло", – думал он, косясь на бледного друга.

– Дак мы купца-то вашего знаем давно. Как же. Наслышаны, – закивал Матвей. – Парень видный. Опять же не рябой и из носа не течет. Чего не отдать, да только ведь сестрица-то у нас одна и приневоливать мы ее не станем. Вдруг не поглянется купец-то ей? Спросить нужно.

– Ну, так и где она, краса ненаглядная? Зови, Матвей Евпатьевич.

– Катюша, позови подружку. Она, пади, за рукоделием сидит у себя в светелке и знать, не знает, что тут к ней купец заявился. Может, выйдет, оторвется от работы? – попросил Матвей, после пяти литров медовухи входя в состояние добродушное и шутовское.

– Сейчас поднимусь, – кивнула Катюша и упорхнула на второй этаж терема, по лесенке, затейливо изогнувшейся ступенями и балясинами резными. Появилась она минут через пять с Аннушкой, которая разругалась, в отличие от Сереги, но трясло ее не меньше чем "купца" и если бы не подружка, придерживающая ее за локоть, то, пожалуй, и спуститься бы на дрожащих и подгибающихся ногах не смогла самостоятельно.

– А вот и Аннушка наша, от рукоделия оторвалась на минутку, – пробасил Матвей. – Сестрица, тут к нам гости припожаловали с добрым молодцом. Вот, который зубами выстукивает и белый с лица. Просят, значит, тебя отчий дом оставить и стать мужней женой, – правильно я баю, Катюша?

– Правильно. Только больно слов много говоришь.

– А ну дак как? Вот ждут ответа. Что скажешь? Пойдешь за добра молодца? – Аннушка запунцовела еще больше и кивнула:

– Пойду, коль вы не против, – прошептала она едва слышно.

– Да мы то чего против будем, коль ты согласна? Хоть завтра свадьбу сыграем. Накрывай на стол, хозяйюшки,

– Матвей, плюнув на все обрядности, полез к Сереге обниматься и, усевшись с ним рядом на скамье, что-то стал ему втолковывать. Серега кивал и бледность у него на лице плавно наполнилась румянцем. А по горнице метались появившиеся невестки Аннушкины, которые, как положено не высывались до конца сватовства, подсматривая за действием из второй половины дома. Детишки забегали тоже, появившиеся откуда ни возьмись. В количестве просто избыточном даже для этого терема. Не меньше десяти.

– Это что же ваши все ребятишки-то? – удивился Силиверстович количеству детей.

– Да нет, – отвлекся от общения с Серегой Матвей. – Наших четверо. Мои двое и вон Егоровы девки, а остальные соседские. Мы еще поспеем с Настехой. Настеха у меня, Силиверстович, на все руки мастерица.

– Стол уже ломился от закусок, а хозяйки все несли и ставили на него всякую всячину. Всю ночь, наверное, готовились к сватовству этому.

– Куда же столько? – удивился Леонидович хлебосольству.

– Ниче, Федор Леонидович, как говорится. "Гость в дом – Бог в дом, что в печи на стол мечи", – Матвей принялся наполнять медовухой теперь уже не ковши, а чарки серебряные и не из бочонка, а из кувшина.

– Выпьем за помолвку, али как там оно называется? Вобщем за сватов и жениха с невестой, – Матвей усадил Аннушку рядом с Серегой и погрозил сестре пальцем.

– Не обижай парня. Узнаю ежели, ухи надеру. Эх, сестрица, как же мы без тебя-то теперь? Может, Сергей, у нас поселишься? Места много.

– Нет, Матвей Евпатьевич, не обессудь. Своим домом жить станем, но где нибудь рядом поселимся. Сегодня же займусь поиском продажного участка. Ну а пока у Катюши поживем, там тем белее места полно. И Аннушке удобно – на работу не опоздает никогда, – отказался от предложения Серега.

– С нами рядом есть дом на продажу. Домишко, конечно, снести придется, но поможем конешное дело. У нас для сестрицы приданое собрано, как положено. Ты не думай, не голь перекатная какая-нибудь. Тысячу рублей насобирали. Такой дом можно отстроить. Не хуже нашего.

– Спасибо, Матвей Евпатыевич. За сестрицу, – не стал обижать братьев отказом от приданого Серега.

– Да что ты "Евпатыевич, да Евпатыевич"? Зови Матвей, чай не шибко старые еще, Серега! – хлопнул Матвей его по плечу.

Серега кивнул, соглашаясь и, осторожным хлопком прилепил на ладонь "Завесу", опустив руки под стол. Кузнец сил не соразмерял и, плечо уже ныло от ушибов.

– Хорошо, Матвей. Завтра в понедельник встречусь с хозяином и куплю участок. А по весне строиться станем.

– Вот и ладно, – обрадовался Матвей, снова хлопнув от всей души Серегу по плечу и отбивая ладонь о "Завесу". – Чей-то я размахался, Серега. Извини, брат. Каково тебе-то ежели даже мне невтерпеж. Рука тяжелая. Молотом-то помахашь с утра до ночи, ну и потом все кажется, что тихонько вроде, а оно вона как.

– Пустяки, – улыбнулся Серега. – Я привычный. Бей, чего там, не стесняйся. Детский хлопок.

– Это детский? Ну, брат, я, конечно, могу, коль просишь и посильнее хлопнуть, без стеснения, но тогда боюсь, что сестрица без венчания останется. Не с кем будет идти под венец-то, – вздохнул Матвей сокрушенно.

– Ну, ты, Матвей, меня совсем за дохляка, вижу, держишь. Давай, раз хлопать стесняешься, на руках померяемся.

– С тобой? – окинул Серегу взглядом Матвей.

– Со мной. А что? Выгляжу неказисто? – поинтересовался Серега.

– Выглядишь ты нормально, но супротив меня и полминуты не продержишься, – заверил его покровительственно Матвей.

– Проверим?

– Ну, коль просишь, то с нашим удовольствием. Ставь локоть, – Матвей расчистил место на столе, передав посуду с угощениями женщинам и, все присутствующие замерли, в ожидании поединка. Братья Матвеевы и домочадцы со снисходительными улыбками, остальные "посвященные" с неодобрительными гримасами.

– Может не стоит, а Серега! – шепнул другу Мишка. – Это тебе мед в извилины шандарахнул. Подержи минуту и довольно. Уже будешь в почете.

– Не отговаривай, – улыбнулся Матвей Мишке. – Назвался груздем, значит сейчас и в кузовок. Давай руку, мил друг. Покажу как это у нас запросто, – Серега поставил локоть на столешницу и обхватил кисть Матвея.

– Начали, – Матвей давнул сначала легонько, потом посильнее и, занервничав, удивляясь неподатливости соперника, напряг все силы. Однако чем он сильнее давил, тем сопротивление возрастало ровно на столько же. Серега не пытался победить, он просто держал неподвижно руку и наблюдал, как красный от напряжения Матвей пытается преодолеть сопротивление "Завесы".

– А ты говорил, полминуты не продержусь. Уже минуты две прошло. Давай уж не церемонься, дави на всю катушку, – подзадорил он кузнеца.

Матвей запыхтел и побагровел, давя "на всю катушку": – Да она у тебя как из железа, – наконец вынужден был признать он. – Вот ведь. Сразу и не подумаешь, что жилистый такой.

– У нас все в роду такие. Вон и Силиверстович тоже жилистый и Мишка тот еще "жила". Ну а про Леонидовича я вообще молчу. Весь из жил, – подмигнул ему Серега.

– Крепкая порода, стало быть,– уважительно переглянулся с братьями Матвей.– Ну а сколь я супротив тебя продержусь?

– Ну, минуту думаю запросто, но не больше,– прикинул Серега телосложение Матвея.

– Ну-ка,– схватился Матвей опять за руку Серегину,– считай Егорка.

Егор начал отсчет:

– Раз, два... – на сороковой секунде Серега начал давить руку Матвея вниз и при счете шестьдесят, прижал ее к столешнице.

– Силен, однако,– восхищенно признал Матвей, тряся запястьем.– Ровно в тиски зажал. В кузне с такой силищей работать в самый раз.

– Так мы и есть из кузнечного рода,– кивнул Серега.– И дед, и прадед кузнецами были деревенскими.

– Наш значит,– заулыбался довольно Матвей и, забывшись, хлопнул Серегу по плечу "от души".

– Ох, едреноть,– затряс он отшибленной рукой.– Дай я тебя поцелую, люб ты мне стал нынче, Серега. Но ты, сестрица, все равно его не обижай,– улыбнулся он, обнимая будущего зятя.

Глава 3

Свадьба была назначена на следующее воскресенье и Серега увяз в предсвадебных хлопотах, а Мишка, вернувшись в Питер с семьей, радовался, что ему во всей этой суете участвовать не придется. Похлопав на прощанье по плечу друга, он посочувствовал ему взъерошенному и посоветовал:

– Никогда больше не женись. И подумай, как будешь вводить Аннушку в курс. Моя Катюша перенесла, скажем так, известие о временных чудесах, достаточно безболезненно. Мы за психику опасались. Тьфу, тьфу, пронесло. А как Аннушка все воспримет?

– Ничего, какнибудь переживем совместно. Я сегодня к вам заскочу. Старички собрание хотят устроить, по накопившимся вопросам. Вот там и поговорим обо всем сразу. Вали в Питер, умник. Хрен я больше женюсь когда. Мне этого сватовства на всю жизнь хватит, как вспомню,.. блин. На Куликовом поле было легче.

– Да ну?

– Тебе-то хорошо было. Приперся со всеми родственниками к Екатерине. "Здрасте – это мы". И все сватовство. А тут спектакль целый устроили.

– Как мед-то?

– Мед?– Серега блеснул глазами.– Мед, что надо мед. А тебе что не понравился?

– Ну, я-то не специалист и потом не мне же его такой всю оставшуюся жизнь пить? А вообще мне понравился. Зря Силиверстович его пивом попросил заменить. Хотя потом чарок пять выхлестал за столом. Распробовав. И Леонидович тоже пару штук пригубил.

– Лицемеры "ископаемые",– вздохнул Серега.

Этим же вечером собрались в доме на набережной. Не было только Тихоновны, которая опять умотала в свою Федоровку, готовиться к наступающей зиме. Уже выпал первый снег в этом году и по прогнозам зима должна была быть холодной в связи с общим глобальным потеплением.

В связи с потеплением – холодало. Так объяснил один высоколобый умник по телевизору, даже не улыбнувшись при этом.

Еще он говорил, что нужно развернуть сибирские реки срочно в обратную сторону, чтобы сохранить баланс пресной и соленой воды в Ледовитом океане, а иначе Человечеству в ближайшие 50-т тысяч лет наступит полный "апокалипсис".

– Бред несет сивой кобылы, мерзавец,– проворчал Петр Павлович.– Расстреливать таких нужно и проблем сразу в стране наполовину убавится.

– Что за сталинизм, па?– Мишка удивленно взглянул на отца.

– Правильно Ленин назвал в свое время этих уродов – "говном мозга нации". Интеллигенция хренова,– продолжал ворчать Петр Павлович, переключая каналы.

– Да что ты на них взъелся? Собака лает – ветер носит.

– Все беды от таких вот, как этот,– кивнул Петр Павлович на экран.– Заместо того чтобы делать что-то полезное, несут бред и мозги загаживают народу. Ох, прав Ильич. Чего вот он сейчас сказал? Сам-то хоть понял? И так испокон веку у нас. Выдернут на западе идею какую-нибудь и так ее перекрутят, что потом вся страна воет десятилетиями. С тем же марксизмом, например.

– Так кто перекрутил? Тот же Ильич и перекрутил, в Ленинизм превратив. Он не интеллигент разве?

– И он тоже из них. Когда дуба дал, то черепную коробку ему врачи вскрыв, то самое и нашли там. Дерьмо. Что он мог такими мозгами стоящего придумать?

– Ну вот. А ты на него ссылаешься, как на авторитет. А теперь – дерьмо. Тут одно из двух. Либо он не прав, либо прав и тогда сам-то он не таков.

– Нет, сын. И дерьмо и прав, когда интеллигенцию обличает. Бывает иногда такое совпадение. Вон Жирик – клоун клоуном, а иногда толковые вещи говорит. Бывает.

– Ну и ладно. Чего ты к ним прицепился?

– Да сравниваю этот век с 18-ым. Там зима нынче тоже лютая, старички говорят, намечается. Хорошо, что телевизоров этих там пока нет. Живут себе люди в трудах и не пугают их еще и эти дополнительно, что через -50-т тысяч лет климат совсем не пригодным для Человечества станет, а Солнце погаснет через 5-ть миллионов лет и поэтому нужно срочно спички экономить. Идиоты, – молча улыбающийся Академик, все же не удержался от реплики:

– Петр Павлович, голубчик, а меня вы к кому отнесете, при моей бороде академической?

– Вас? Вас к трудящемуся.

– К пролетариату что ли, а может крестьянству? Но я сроду ни у станка не стоял, ни за сохой не хаживал.

– Умственный трудящийся. А это все бездельники и пустомели.

– Услышал бы вас крестный отец этого термина – Боборыкин. Вот бы вознегодовал. Он-то полагал, что это всего лишь человек "понимающий и разумно постигающий действительность" и "самый образованный слой общества". А Ильич, кстати, в своем письме Горькому изволил столь не лестно отозваться о российской интеллигенции, но не о всей, а о тех "интеллигентишках, которые прислуживают буржуазии." А еще он сказал, что вот они-то "говно", а есть и порядочные, которые служат идеям революции и их десятки тысяч. Так что, Петр Павлович, не столь однозначен Ленин, как вы предполагаете по неведению. В народе нашем отношение пренебрежительное к так называемой интеллигенции появилось по причине самой что ни на есть тривиальной. В 50-тые государство причислило к этой категории всех, кто занимался умственным трудом. Так и писали в анкетах все от фельдшеров в дурдомах, до конструкторов космических. И в связи с тем, что фельдшеров конечно же больше и они на виду, вот отсюда и пренебрежение. Стереотип – это нечто в очках, хилое, нежизнеспособное и несущее бред.

– Вот, вот, вот, – ткнул пальцем в экран Петр Павлович. – Только что такого показали.

– К такой интеллигенции, с позволения сказать и я себя причислять не желаю. Лучше уж быть трудящимся, чем пустомелей. Оставим, однако, терминологию. Мы ведь собрались сегодня подвести некоторые итоги, ну так и приступим. Начну, пожалуй, я. Процесс образовательный идет вполне положительно и проблемы возникающие, решаются по мере их поступления. Предложений глобальных для изменения чего-либо у меня нет. Вопрос с кадрами решим постепенно в течение следующих двух, трех лет. У вас что, Силиверстович?

– А что? У меня тоже этот процесс идет. Парней из Америки доставил и теперь есть свои станочки и даже пару толковых электромонтеров, которые не понимают зачем их выучили ремеслу, который нигде применить на практике.

– Ничего, скоро загрузим и их работой. Достроим цеха и заложим электростанцию. Пора к электричеству приобщать народ, – успокоил Силиверстовича Петр Павлович.

– Не рановато? Привлечем внимание властей к себе и не здоровое, – засомневался Мишка.

– А мы не станем сразу всю иллюминацию включать. Сначала пару фонарей продемонстрируем, потом домишко какой-нибудь осветим. Затем цех на электричество один, потом второй.

– Потом Днепрогэс? Представляешь, какое любопытство разожжем в обывателях, когда первые лампочки "Ильича" загорятся. А дворянство захочет немедленно свои хоромы осветить так же.

– Ну и что? Будем освещать. Электрификацию Москвы проведем. Провода отсюда забросим, а столбы в соседних лесах напилем.

– Провода. Там не только провода. Там уйма всего. От изоляторов, до тех же лампочек. Можно конечно все отсюда притащить, но два монтера не справятся с теми объемами, кото-

рые придется проворачивать. Тут сотни монтеров нужны будут. Предлагаю пока ограничиться только нуждами станочного парка, без освещения. В этом случае легче будет отмазаться. Ну, гудят дизеля, так и что?

– Хым,– Петр Павлович усмехнулся, представив работающих токарей на современных станках электрических при свечах.

– Рано считаешь лампочку электрическую демонстрировать?

– Не только рано, но и опасно даже.

– Ну а если конспиративно?

– Наглухо занавесив окна и заклеив рты рабочим?

– Ну да.

– Не удержишь ты, па, эту тайну ни за какими занавесками. Еще и хуже будет. Лучше уж показать и наvertеть вокруг научного бреда в духе наших российских интеллигентишек, которых Боборыкин выдумал в середине прошлого века.

– Значит, при свечах работаем пока?

– Можно керосиновые лампы пустить в оборот. Тоже опередив время. Ее начнут выпускать массово только к концу 19-го. Когда нефть откроют. Кстати о топливе. Дизеля-то нужно будет дизельным топливом обеспечивать. Соляркой. Из нашего времени придется перебрасывать тоннами.

– Ну, с этим ты у нас справишься. Надеюсь.

– Да не в том дело, что не справлюсь или справлюсь. Просто опять время на сто с лишним лет опережаем. Нефть начнут в середине 19-го в промышленных масштабах перерабатывать. Керосин тот же для ламп, придется тоже забрасывать отсюда. Нефть пока только в аптеках купить можно, как "земляное" масло. Уж не знаю, чего там лекари рекомендовали ей лечить, но продают именно в аптеках, в ма-а-аленьких пузырьках. Экзотика пока керосин. Лампы-то мы успешно внедрим, но если в продажу пустим, то придется мне и керосин тоннами перекачивать. Спрос, знаете какой получим колоссальный? Сначала, конечно, у дворянства, как у самого обеспеченного слоя. А потом и мещанство потянется с ремесленниками. Тут вопрос цены только. Каждый захочет осветить жилище свое, даже последний крепостной не откажется. Что, кстати, с лампой этой и произойдет в начале двадцатого. В каждом доме появится.

– Трудностей, сынок, испугался?

– Нет. Сюрпризов и разговоров, связанных с этим не хочу. Внимание к Торговому Дому привлечем раньше времени различных социальных групп, ну и тайных обществ. Вроде масонов. Нам это нужно? Количество работающих в Торговом доме возрастает и на всякий роток, как известно, не накинешь платок. Более того я думаю что нам пора озаботиться созданием своей службы безопасности с системой контроля территорий и объектов. Видео и аудио наблюдение ввести по возможности повсюду. Для этого выделить соответствующие помещения и оснастить их технически.

– В шпионманию никак ударился ты, сынок,– взглянул на него критически Петр Павлович.– Не рановато ли?

– Я думаю в самый раз. Или будем ждать когда "гром грянет"? А он грянет всенепременно.

– Ну, вот тогда и "креститься" будем, а пока чего раньше времени панику поднимать и волну эту гнать?

– Ты пойми, па, что грянуть может так, что мало не покажется. Ты себя очень защищено чувствуешь в 18-ом, потому что всегда в 20-ый убраться можешь. А люди, которых мы привлекли? Им куда бежать, если что?

– Им некуда. Неужто ты думаешь, что в веке 18-ом есть такие силы, от которых нам бежать придется?

– Недооцениваешь ты силы века 18-го. Видел я недавно группу террористов-французов под Питером – на Павла покушение устроивших. Еле жив, остался наследник.

– Отчего же не написано нигде об этом факте?

– СМИ в веке 18-ом не столь проницательны и распушены как в нашем времени. Очевидно, Павел приказал молчать всем очевидцам произошедшего. Там в Питере я создал два года назад Службу собственной безопасности во главе с майором отставным с хорошей фамилией – Кутузов.

– Родственник?

– Нет, даже не однофамилец. Так вот, он уже думаю, в штат набрал не меньше двух десятков человек. Наша задача нечто создать и в Москве. Естественно фильтруя информацию. Задачи – охрана объектов Торгового дома и первых лиц из числа нанятых в 18-ом.

– Ну, с охраной соглашусь. Век разбойный. Коль сторожей не поставишь – растащат моментально, – согласился Петр Павлович.

– Вот и возглавь. Людей начальствующих подбери из числа отставников, как я в Питере.

– Хорошо. Убедил. Займусь. У меня, правда и так дел в училище по горло, но этим займусь обязательно, просто завтра же.

– Кстати, как твои кадеты?

– А что? Нормально заняты. Твой-то разбойничек бывший – Кудряшов Иван Савельевич знатно саблей орудует. Фехтование преподает пацанам. С ума все посходили. Режут себе сабли деревянные и рубятся с утра до вечера. Носов поразбито – кошмар.

– Не думаешь в следующем году количество учащихся увеличить?

– Наберем еще пару классов, думаю. Здание вот подыщем только. А может новое вообще построить? Свяжусь-ка я с архитекторами. Пусть проект готовят. Заложим сразу этажей на пять, чтобы человек пятьсот могло обучаться. Леонидович, как вы?

– Я готов. С преподавательским составом напряженка, а так отчего бы и нет. Будем искать учителей усиленно.

– Вопросы рабочие, я смотрю, обычные вполне без ЧП. Так чего мы тогда собрались экстренно? – спросил Мишка, оглядывая присутствующих. – Или недоговариваете что-то? Если по поводу Аннушки, то придется и ее посвятить, тут уж никак иначе не получится. Задолбает Серегу расспросами иначе.

– Да с Аннушкой все понятно. Тут вот Леонидович хочет кое-что сообщить.

– Я, Петрович, действительно недоговариваю, чтобы все текущие вопросы обсудив, к ним не возвращаться потом, а информация вот какая. В мазаришарифской пирамиде копаясь, нашел я документец примечательный, – Академик сделал многозначительную паузу.

– Ну, что там, не томите, Федор Леонидович? – не вытерпел Серега.

– Нашел постановление Совета Старейшин, утвержденное за несколько лет до потопа, в котором однозначно рекомендовано. Да что там рекомендовано, приказано. "Создать резервную группу, для консервации последних достижений в области хроноисследований и подчинить ее непосредственно Совету, предоставив исключительные полномочия".

– Так и что это означает? – не понял Мишка.

– Означает это следующее, что созданная группа, в количестве шести членов, не подчиняясь основной группе ученых, занялась собственными изысканиями, имея полный доступ к техдокументации. И работала пару лет, как минимум. Штаб квартира группы находилась в Альпах. Точные координаты имеются. Из имеющейся документации мне попала докладная записка руководителя группы. Того самого Яатахыперта Нелуга, которого вы "Упертым" назвали. Так вот он доводит до сведения Совета, что мероприятия первичные выполнены в срок и бункер готов со всеми тремя уровнями и т.д. Не буду все перечислять, но в конце он просил позволения продолжить завоз оборудования и разрешение такое получил немедленно. Было это, судя по дате, за полгода до катастрофы, господи, так что позвольте вас поздравить.

Мы имеем еще одно "гнездо". И причем, абсолютно автономное. Не учтенное так сказать архивариусами ХЦХ-а.

– Та-а-ак. Хорошенькое дело. Чем еще обрадуешь, Леонидович?

– Обрадую? Тем, что кроме основной базы, есть еще две. Одна в штаб-квартире Рерюфа, скрытно размещена и из нее есть портал доступа с автономной аппаратурой и еще одна где-то на Кавказе. Такой вот треугольник. Точные координаты Кавказской точки определить не удалось. Нет информации. Упоминается вскользь. Думаю, что начинать нужно с поиска в бункере Рерюфа и плясать уже оттуда.

– Не доверяли, значит ХЦХ-стам.

– Разумеется, что не доверяли и продублировали соответственно. Этот Нелуг весьма активную деятельность развил. За два года три точки освоил. Уж не знаю как там в других местах, но в Альпах он создал нечто грандиозное. И на глубине приличной. Если под разлом не попало во время подвижек тектонических плит, то может быть все оказаться в рабочем состоянии. Вот координаты. Имейте в виду, что система безопасности там самостоятельная и очень отличается от той, что имеется в известных нам местах.

– А подчиняется кому?

– Это выяснить мне не удалось к сожалению. Расследовать придется в процессе поиска.

– Альпийский адрес мне не нравится. Проходной двор. Две тысячи лет там народ толпами шляется. Сначала шахтеры-гномы с кирками, потом фашисты с копьем этим сотника. Понарыто там столько за века, что я не удивлюсь, если обнаружен уже объект.

– Если бы обнаружили, то стало бы известно. Технологии не спрячешь.

– А мобильная связь, так вдруг внезапно охватившая шарик. Вон и года не прошло, а уже серийно выпускают для массового пользователя. А компьютеризация вдруг как с цепи сорвавшаяся? Нет, тут не все чисто. Подозреваю я, что и ядерное оружие, американцами за несколько лет разработанное, не подарок ли "допотопников". Ведь в начале века двадцатого при керосинках сидели, почитая ее высшим изобретением человеческой мысли и вдруг такой скачок по всем направлениям. В космос вышли. На Луну Америкосы высадились успешно, если не фикция это. Есть такое мнения. Там вроде как флаг за спиной у космонавта ветром колышет. Однако не пора ли наведаться и на лунную станцию и прибраться там?– Мишка опять обвел всех присутствующих взглядом.– Пора. Как бы ни опередил кто. Задолбаешься потом "зачищать".

Пока Серега занимался свадебными приготовлениями, Мишка смотался в мазаришарифскую резиденцию Рерюфа и попробовал отыскать скрытый бункер, который они в прошлый раз не увидели. Появившись в холле, Мишка тут же был окружен всеми шестью "Троянами" и получил от Васьки подробный доклад.

– Задача, поставленная охранному подразделению, выполнена в соответствии с распоряжением,– закончил он доклад.

– Ну, что ж молодцы. Теперь вы пятеро быстро собрали мне всю информацию по Альпам Европейским. Все что есть, перевести на русский. Ну а ты, Василий, пошли со мной. У меня к тебе пара вопросов имеется. Скажи-ка, морда хитрая, где у Рерюфа в квартире имеется потайное помещение, пристроенное за пару лет до экологической катастрофы?

– Нет такого помещения, Хозяин, в квартире,– Васька щелкнул хвостом себя по полосатому боку.

– Так. Где тогда оно?

– Бункер пристроили под лифтовой шахтой, обозначив его нулевым уровнем.

– Почему нет плана на чертежах?

– Не успели внести или не стали вносить по устному распоряжению предыдущего Хозяина,– высказал версию "Троян".

– Похоже, что ты прав. Навертели секретности, если бы не дотошность Леонидовича и случайно попавшие ему в руки докладные этого "Упертого" Нелуга и не узнали бы мы о нем никогда. Как попасть туда?

– Предыдущий хозяин накладывал магическое заклятье, а потом снимал его и лифт опускался на один уровень вниз.

– Вот гад. Хоть бы записку оставил, когда на праздник этот пошел, – почесал Мишка затылок. – Трудно снять заклятье-то?

– Невозможно, – подтвердил "Троян".

– Какие предусмотрены системы воздействия на несанкционированное проникновение?

– Газовая атака и молния. Разряд в тридцать тысяч вольт.

– Хороший уровень. "Завеса" выдержит?"

– Выдержит, но организм в ней нет. Летальный исход однозначно.

– Так. А если в эксклюзивном комбесе войти и в противогазе?

– Достаточно "эксклюзива" в комплексе с «Завесой». Для первого порога.

– Сколько всего этих порогов? Шесть?

– Так точно! Хозяин, ты гений, провидец.

– Даже не сомневайся, так оно и есть, – буркнул Мишка. – Что по остальным ступеням тебе известно?

– Ничего, – мотнул головой Васька. – В бункере бывать не приходилось.

– Почему? – Васька щелкнул хвостом:

– Прежний хозяин посещал его всего трижды и каждый раз функции Первого исполнял не я.

– Не ты? А кто?

– Дважды Киса, и один раз Тимоша.

– Зови обоих сюда, – "Троян" сверкнул глазами и из противоположного конца холла к ним устремились названные "Трояны".

– Начнем, пожалуй, с тебя, Тимоша. Был на нулевом уровне?

– Был, – мотнул утвердительно головой Тимоша.

– Запись есть видео?

– Ни видео, ни аудио записей не велось, Хозяин предыдущий запретил.

– Что за пороги защитные?

– Всего шесть. Первый вы знаете, Хозяин. Второй пресс.

– Что за пресс?

– Опускается сверху, вес 10-ть тонн, материал сапротид, половое покрытие из этого же материала. Плита толщиной – 1000 миллиметров.

– Скорость движения пресса?

– Двадцать метров в секунду.

– Мухобойка. "Эксклюзив" выдержит?

– Выдержит. Следующий порог – сдвигающаяся плита. Скорость смещения та же. Размер 6000х6000 миллиметров. Глубина провала – 6000 миллиметров. Толщина плиты – 6-ть миллиметров.

– Что-то с толщиной я не понял. Не тонковата?

– В самый раз, чтобы ухватиться не успеть.

– Она что открывается и не закрывается?

– Так точно, не закрывается. Потому что срабатывает порог номер три. Сдвигаются стены провала и верхней камеры. Скорость та же.

– Еще одна "мухобойка", – Мишка зябко поежился. – Не спрашиваю, выдержит ли "эксклюзив". Что толку если даже и выдержит. Такой тоннаж, пожалуй, мне не разжать будет?

– Отчего же не разжать? Просто не давать сжать. Ставишь распорки и все. Из сапротида.

- Молодец. Дальше что?
- Четвертый порог безопасности – труба. С агрессивной средой – H_2SO_4 – Серная кислота.
- Почему труба? Как из нее тогда кислота не выливается?
- Стоит вертикально, диаметр – 2000 миллиметров, глубина – 6000-яч миллиметров.
- И что, она сохранила свои свойства все эти годы?
- Нет, она появляется, когда осуществляется попытка проникнуть на объект.
- Нырлял что ли в нее Рерюф в "эксклюзиве"?
- Нет. Убирал, сдвигая в сторону.
- Это надо полагать ловушка №5-ть?
- Так точно, выскакивает шаровая молния направленная и сжигает злодеев. Температура в камере при этом – 5000-яч градусов по Цельсию.
- Духовка, блин. Я не удивлюсь, если шестым этапом будет микроволновка.
- Так точно она самая. Мозги спекает в течение первых двух секунд.
- Не хило Рерюф придумал. Сам все сварганил?
- Так точно, самолично постарался. Шесть дней потратил.
- Трудяга. Прямо по стахановски потруился. Гад. Вот только есть один тут недостаток в этой системе.
- Какой?– заинтересовался Тимоша.
- Вдруг срочно потребуется воспользоваться бункером. Мало ли ЧП. Пока пройдешь все эти этапы, сколько времени потратишь? Не рационально. Защищено хорошо, но если даже знаешь систему и по-быстрому ее отключаешь, все равно уйдет уйма времени. Непозволительная роскошь. Сколько минут идти через пороги эти?
- Десять, но бывший Хозяин через них и не ходил. Это вход для "гостей".
- С этого места подробнее. Еще что ли вход есть один?
- Нет. Входа нет, есть заклинание, которое перемещает непосредственно в бункер.
- Телепортацией, сволочь, пользовался.
- Так точно,– подтвердил Тимоша.
- Тебя-то он за каким хреном с собой таскал? Если так?
- Не могу знать. На случай, если....
- Ну?
- На случай несанкционированного проникновения в мою базу данных.
- Хакеров остерегался. И дезу им загрузил в твои мозги. Но ведь влезший в твою базу, тоже поймет про телепортацию?
- Нет. Предполагалось стереть все лишнее. Не успели. Сам лично собирался поработать со мной. И с Кисой.
- Так, Киса. Ты дважды прошла с Рерюфом. Шерсть не подпалила?
- Киса мурлыкнула и потрясла головой:
- Нет, обошлось. Под пресс чуть не попала, на втором этапе. Хвост потом восстанавливать пришлось.
- Записи, конечно, не вела тоже?– на всякий случай спросил Мишка.
- Отчего же? Запрета не было. Записала все от начала до конца.
- Не понял. Почему для тебя запрета не было? Тимоше значит, запретил, а тебе нет?
- Мне нет. По тому, что номера порогов условны и что за чем идет, всякий раз меняется произвольно. Вначале может быть "труба" с H_2SO_4 -е. Или "мухобойка-№2" станет номером первым. А в записях порядок всегда одинаков. Это тоже "деза". О том, что порядок случаен из базы данных также изъять информацию должны были, не успели.
- Значит, вас должны были подставить под возможную атаку хакеров?

– Зачем подставлять? Нас всегда атаковали в системе. Мы меняем пароли и коды доступа. Ставим ловушки и создаем миражи отвлечения.

– Стоп, стоп. Но сейчас-то вас не атакует ни кто?

– Как же, держи карман шире. Постоянно лезут всякие конторы любопытные. "Железо" у них пока примитивное, чтобы пробиться, но попытки постоянные. Стоит войти в базу данных, как тут же набрасываются. Работать мешают. Коэффициент понижают на 0,01%. Отвлекаться приходится постоянно, Хозяин. ЦРУ всякие, ФБР-ы и Масады. Япошки опять же лезут, а теперь еще немцы и англичане прицепились.

– Когда прицепились?

– Когда мы по Альпам собирать информацию приняли по вашему распоряжению. Сразу и полезли. Коды перебирают. Мр-р.

– А вы что?

– А мы им подсовываем информацию для настырных пользователей.

– Какого рода?

– Теодора Драйзера трилогию на фарси и задом наперед. Летит их "железо" при этом, но пишут с удовольствием. Скачивают.

– Почему Драйзера?

– Англичане потому что. Их автор-то.

– Так, а немцам что подсовываете? Уж не "Майн Кампф" ли Адольфа ихнего бесноватого?

– Хозяин. Ты гений. Именно ее, но не на фарси, а на иврите.

– "Майн Кампф" – на иврите. Это конечно круто. По Альпам что собрали?

– Справочку сейчас историческую подготовим, сотни четыре карт, перечень населенных пунктов с поименным перечнем живущих в них человечков. Минут на десять еще работы и можете пользоваться.

– Хорошо. Киса, давай запись №1-н, – Киса тут же развернула на стене экран, и замелькало изображение.

– Что за хаос?

– Спешу на зов, Хозяин.

В кадре появилось недовольное крючконосое лицо с глазами навывкат.

– Так вот ты какой – Рерюф. Правильно я тебе глаза-то вставил. Наоборот тот, что уполз в глубину нужно вынуть обратно. Лупоглазенький какой весь из себя.

– "Лупоглазенький" Рерюф проверещал что-то высоким голосом и шагнул к прозрачной кабине лифта.

– Переводи, Киса, – напомнил Мишка "Трояну". – Что он каркнул?

– Каркнул, – "Следуй за мной". Вот и следую, – на экране мелькала черная мантия в каких-то замысловатых знаках, выписанных чрезмерно густо серебром.

– А комбез-то под рясу поддел, сучий потрох, – усмехнулся Мишка, заметив знакомый значок на груди Рерюфа. Ишь крутит. А на руке целых два браслета. Они что плюсятся?

– Нет, но срок возрастает вдвое эксплуатации. Эффект инерции – открытого Рефелюцем.

– Так значит. А я почему об этом узнаю случайно?

– Все потому что у людей происходит случайно, – философски заметила Киса. – Рождаются случайно, от случайных связей и встреч и умирают тоже случайно, некоторые даже не израсходовав заложенные в них при рождении резервные возможности и не истратив запас энергоресурсов, – на экране мелькнуло лицо Рерюфа, губы его шевелились беззвучно.

– Заклинание читает. Ты, Киса, по артикуляции не можешь определить, что он там говорит? – спросил Мишка.

– Могу.

– Ну, так и озвучь, балда. Неужели самой не допереть было?– рассердился Мишка на тупость "Трояна".

– Говорит. "Отворись, пропусти, мать моя женщина",– перевела Киса, не отреагировав никак на Мишкино хамство.

– Что, что? Какая мать? Ты не путаешь, подруга?

– Нет, не путаю. Так и сказал, судя по артикуляции.

– Не сложное заклинание-то. Значение, наверное, имеют произносимые звуки. На русском не прокатит. Придется с "Суром" работать. Ну, что он там еще бормочет?

– Все тоже шестой раз подряд.

Картинка резко дернулась, мелькнуло что-то серое и, перед глазами возник проход, облицованный уже знакомой Мишке яшмой. Овальной формы он был хорошо освещен и тянулся метров на десять, упираясь в перегораживающую проход стену знакомого серого цвета.

– Порог два?

– Да,– подтвердила Киса и перевела прозвучавшую реплику Рерюфа: Приказывает идти вперед,– серая стена на видеоэкране приблизилась скачком. Очевидно Киса, выполняя команду, преодолела расстояние одним прыжком. Стена дернулась, уползая вверх и мгновенно возвращаясь обратно.

– Вот здесь мне слегка хвост защемило,– сообщила Киса.– А на экране появилась рожа Рерюфа, злорадно скалящаяся. Он что-то опять каркнул и Киса перевела:

– "Попался, мешок пластмассы?"– Рерюф закудахтал и махом руки, привел в движение "пресс", уползший вверх мгновенно и не вернувшийся обратно.

– Поставил на место. Это рабочее положение, в ожидании гостей,– пояснила Киса.

– Чего же он тогда был внизу?

– Демонстрационно был. Как иначе узнать, что он вообще есть?

– И верно, все под яшму замостырено, даже пол. Но ведь пол-то из сопотида и должен быть серым?

– Когда нужно, он любого может быть цвета изготовлен. Серый – природный. И из-за отсутствия окисления, его не подвергают обработке, но обработка возможна. Здесь выполнено под яшму.

– Спасибо, понял,– изображение опять скачком дернулось и на экране появился квадрат серого цвета размером 6х6 метров.

– Это на полу,– пояснила Киса.

– Да понял я. Почему здесь нет маскировки под яшму?

– Зачем? Пусть все видят. Нам скрывать нечего.

– Ну, для человека простого конечно препятствие непреодолимое, но вот ты наверняка перемахнешь, да и кто левитировать умеет, тоже ведь перелетит запросто. Шесть метров – это и несерьезно как-то?

– Датчики движения для этого имеются,– возразила Киса.– Вот как это все работает.– Рерюф швырнул через серый квадрат какой-то предмет и тот, пролетев половину расстояния, завис прямо над распахнувшейся половой плитой.

– Что это он кинул?

– Это он зажигалку кинул. У него таких две оказалось. Кто-то подарил, не сверившись с каталогом и наверняка примерил "уши".

– За это в "утиный шаг"?– не поверил Мишка.– А если кто-то из Совета Старейшин подарок этот сделал?

– Значит, место вакантное появится дополнительное к следующим выборам. Не уважительное отношение следует пресекать повсеместно, иначе это может привести к хаосу и потери власти,– зажигалка рухнула вниз и мгновенно сомкнувшиеся стены перегородили проход.

– Вот так значит. Но какого хрена она висела секунд десять? За это время ты бы уже сто метров пробежала, а Киса?

– Заманилово. Дескать, целых десять секунд есть у проникшего.

– Но он же ее швырнул сильно, а она замерла. Почему?

– Он швырнул, он и остановил. Демонстрирует возможности,– Рерюф опять зашевелил тонкими губами и Киса озвучила:

– Тоже заклинание твердит опять с матерью своей, которая у него женщина.

– На него когда смотришь, то как-то не верится, что женщина. Если бы я узнал, что его обезьяна произвела на свет, то даже спорить бы не стал. Сразу бы поверил,– изображение опять понеслось скачками и замерло у очередного порога безопасности.

– Номер – 4-ре?– Мишка рассматривал с любопытством "трубу" с серной кислотой. Действительно метра два в диаметре, она возвышалась на полметра от пола и на экране выглядела вполне безобидно.

Рерюф вынул откуда-то кусок ткани, размером с носовой платок, очевидно, им и являющийся и, скомкав его, швырнул в двухметровое жерло. Платок коснулся поверхности и исчез, оставив после себя небольшое облачко грязно серого цвета, которое тут же и рассосалось в одну секунду.

– Демонстрирует. Понятно,– а Рерюф опять забормотал свое универсальное заклинание, которое Мишка уже и сам запросто считывал с его бледных губ. Труба медленно поползла в сторону, открывая проход с винтовой лестницей. Диаметр все в те же два метра. Вспышка на экране, ослепительно белого цвета, заставила Мишку зажмуриться и прикрыть инстинктивно глаза рукой.

– Шаровая? И как же ты цела осталась?

– Защитил Хозяин бывший. Поставил магический блок. Но зрительные сенсоры теперь ослаблены,– изображение действительно потеряло четкость и цветовая гамма потускнев, стала почти черно белой.

– Неделю потом восстанавливаться пришлось,– сообщила Киса.

– Ну ладно, микроволновку я думаю, он никак не сможет наглядно продемонстрировать. Тут нужно что-то живое с собой было притащить.

– Он и притащил. Крысу. Вон достает,

– Рерюф, движением опытного иллюзиониста, выхватил из складок мантии миниатюрную клетку, с сидящим в ней крысенышем, который грыз прутья и верещал противным резким голосом. Рерюф швырнул клетку в проем и она закувыркалась по ступеням. Визг мгновенно прекратился и камера, наехав на нее, во весь экран продемонстрировала морду крысеныша, с вытекающей из носовых отверстий сукровицей.

– Две секунды ровно и мозги закипели,– прокомментировала Киса.

– Хороший был крысенок. Симпатичный. Жаль,– пожалел невольно погибшее животное Мишка.

Глава 4

Рерюф каркнул:

– Вперед!– и изображение черно-белое скачком ринулось вперед. Пронеслось смазанное, несколько секунд и замерло, сфокусировавшись на дверном полотне привычного серого цвета.

Полотно скользнуло опять же привычно вверх, открыв взгляду помещение метра в два квадратных. Посредине стоял серый цилиндр.

– Все. Пришли,– прокомментировала Киса.

– Вижу. Интересное кино. Это что же получается. Система независимая от системы ХЦХ-а?

– Она над системой. Контроль осуществлять предназначена. Испытания назначались на следующий день после празднеств.

– Не успели, значит. Если я правильно понял, то выход с этих пунктов куда угодно в системе ХЦХ– а, а вход закрыт для непосвященных пользователей?

– Именно так.

– Разделяй и властвуй. То-то Рерюф накрутил тут всякой хрени. Заходить придется на всякий случай из прошлого. Мало ли что. Кипеть мозгами что-то не хочется в этом времени. Вообще-то я наверное смогу и телепортироваться, а вот Серега сомневаюсь. Интересно, какая система безопасности в Альпах и на Кавказе?

– Что-то подобное этой же, но ее устанавливали без Рерюфа. Так что эта самая изошренная. Хозяин, зачем тебе телепортироваться? Выдерни сюда пульт,– посоветовала Киса.

– А ведь и действительно. Нам все эти навороты совершенно ни к чему. Хлопушки, духовки и микроволновки. Те, для кого они готовились, все дружно устранены. А нынешние пока еще не доросли до таких мер безопасности. И потом я не понимаю почему Рерюф и ХЦХ-сты не использовали контрольные точки временные?

– Опыта не хватило и, точек этих было недостаточно,– высказала предположение Киса.

– Нет, тут что-то другое. Скорее всего не использовали потому что всегда рядом с аппаратурой находилось достаточное количество сотрудников и по правилам ХЦХ-а это форс-мажор. Не было у них совсем этих точек. Не знали они, что так можно аппаратуру прятать. Это у нас целых пять тысяч лет назад. Прячь куда захочешь. Тот, кто влезет после контрольной точки, увидит пустые помещения. Но судя по тому, что информации об этом нет, значит и пустые помещения обнаружить не удавалось.

– Информация есть,– возразила Киса.– В Альпах как раз и находили. 55-лет назад в 1942-ом.

– Подробнее об этом.

– В архивах "Анэвербэ" нами обнаружен подробный рапорт руководителя одного из подразделения оберста Йогана Вернера.

– Знакомая фамилия. Какого хрена они влезли на территорию нейтральной Швейцарии?

– Отчего же Швейцарии? Семь процентов территории тогдашней Германии – Альпы, а Австрии присоединенной по "аншлюсу" и вовсе -70%. Все Восточные Альпы в распоряжении Рейха оказались. Эцталские 100%-тно. Там и обнаружили.

– Давай доклад. Только без официальщины. Конкретную информацию.

– Если кратко, то полковник докладывает, что вовремя изыскательских работ, которые проводились "Анэвербэ" в соответствии с распоряжением Рейхсканцлера. Ими обнаружен в районе Оберзальцбурга комплекс помещений, координаты прилагаются.-

Мишка сравнил координаты с полученными от Академика и передернул плечами. Совпадение было абсолютным.

– При попытке проникнуть в обнаруженные "бункеры" погибло 64 нижних чина и 8-м офицеров. Смерть наступила в результате термического воздействия. Сгорели солдатики. Руководством предприняты все надлежащие меры, по оцеплению данного района, и полковник испрашивает дополнительные средства и людей для широкомасштабного изучения района.

– Какова реакция Рейхсканцлера?

– Целую депешу лично надиктовал и на своей знаменитой "фюрерштрайбмашинен" отпечатать велел.

– Чем это она эта "машинен" знаменита?

– Буквы у нее почти в два раза больше размером, чем у обычных, стандартных. Эксклюзивная машинка. Единственная в своем роде. Специально для канцелярии Рейхсканцлера изготовлена.

– Мания величия, даже и так оказывается, может проявиться. Ну и что он там настучал?

– Распорядился ни людей, ни средств, ни времени не жалеть. Пообещал все мыслимые блага, если смогут попасть в "бункер" и все мыслимые неприятности, если не смогут. Стимулировал. Наследие древних Ариев, надо полагать, учуял своим волчьим нюхом.

– Какая информация еще имеется?

– Более никакой. Надо полагать – утеряна.

– Немцы, очевидно, навалились на первый порог безопасности. Интересно порог срабатывает один раз или неограниченно?

– Срабатывает один раз. Включая следующий. И так до шестого, который снова включает первый.

– Разумно. Значит ценой 72-х человек они первый прошли. Дальше их ждет пара "хлопушек" или что-то в этом роде. Интересно было бы посмотреть как эти "анэвербисты" ползли через все пороги. Каким числом рапорт Йогана Вернера?

– Февраль, пятое 1942-го года.

– Шустрый парень. А в мае он уже под Ленинградом появился с этими цилиндрами. Ну, что ж попробуем отследить весь исторический процесс,

– Мишка надел браслет и, выдернув пульт из "бункера", активировал его. Привычного архивариуса он здесь не обнаружил. Появилась толстая рожа, налитая синевой поросычьею и отпрапортовала:

– Член Совета по проблемам демографии Яатахыперта Нелуг, – одет свиноподобный член Совета, был в черную мантию, как и положено, и сидел на коврике, поджав ноги.

– Давай, "Упертый", рассказывай со всеми подробностями, что за точки ты создал в Альпах и на Кавказе. Координаты, безопасность, комплектация оборудованием и т.п., – потребовал Мишка. "Упертый", возражать не стал и принялся докладывать о проведенных им мероприятиях.

Поработал "Упертый" от души. Две точки, созданные им в Альпах и на Кавказе оказались неравнозначны. На Кавказе это скорее был резервный "черный" ход. С одним комплектом оборудования и с минимумом наворотов. А вот Альпийская точка представляла из себя маленькую копию мазаришарифской пирамиды и хоть была всего в три рабочих уровня, несла в себе огромную информационную задачу, разместив в базе данных аппаратуры все достижения допотопной науки и техники. Не было только запасов металлов и произведений искусств. Зато была вся информация о существующих точках на земном шарике.

– Если бы эти технологии попали в 42-м немцам, то история последних 50-ти лет была бы совсем другой. Ну, давай демонстрируй пороги безопасности, Нелуг. – проход ко второй ловушке оказывается нужно было еще найти. Проникшие без санкции злоумышленники, пройдя первый, попадали в туннель, по которому можно было бродить бесконечно, так как был он закольцован и диаметр имел метров сто. Проход открывался пинком в нижнюю часть. Сливающийся с ландшафтом и не имеющий явных геометрических очертаний, он вполне мог

быть обнаружен при исследовании на обнаружение пустот простукиванием. Зато когда распахивался, то включалась система безопасности, наполняя кольцевой тоннель в течение пару секунд какой-то дрянью отравляющей. От которой не спасал даже противогаз, отравляла проникала в организм через поры кожи.

– Как минимум нужна химзащита, – сделал заключение Мишка.

Следующее помещение было и вовсе издевательством над исследователями. Оно было полностью заполнено нефтью. Глубина была, правда, всего сантиметров пятьдесят. По колено. И в автоматическом режиме убиралось в течение пары минут.

– Ну, при достаточном количестве людей можно и ведрами вычерпать за пару дней, – усмехнулся Мишка. – В чем прикол? –

«Прикол» оказался в том, что когда уровень нефти понижался до 10-ти сантиметров, она самопроизвольно вспыхивала и благодаря сложной системе подачи кислорода выгорала досуха, вместе с любопытствующими. Зато следующий проход искать нужды не было, он был прямо в центре бассейна и представлял из себя квадратный люк с массивным кольцом. Сдвигался люк в лучших традициях допотопья – в сторону, но Мишка на месте исследователей тысячу раз почесал бы затылок, прежде чем к нему прикоснуться и дернуть. Потому что включался 4-ый порог. Что-то вроде ультразвука, который моментально превращал всех в радиусе – 50-ти метров в "деревенских дурачков". Мишка наблюдал, как скачут, впад в детство, мультяшные злодеи и передернув плечами, скомандовал:

– Дальше давай. Пятый порог.

Пятым порогом оказалась примитивная "хлопушка" но более мощная и скоростная. Хлопнула и вернулась на исходную позицию она с такой скоростью, что глаз не успел ее зафиксировать.

– Ну. Это мы видели. Шестую давай.

Шестой проход опять нужно было искать. В лабиринтах разбегающихся в разные стороны проходов числом 66-сть. Нужно было ходить и стучать, чтобы найти пустоту. Пинать, короче. Проход, как правильно и предположил Мишка, оказался в проходе №6-ть, но вот пинать опять же было чревато. Проход открывался, включая последний порог безопасности. По всем радиальным тупикам проносился вихрь плазмы, выжигая все живое.

– Молодец, хорошо поработал. Давай теперь бункер показывай.

Бункер оказался трехуровневым с переходом из одного в другой по нормальной лестнице, с высеченными в скальной породе ступенями. Решили что лифт при таких объемах ни к чему. Верхний уровень был жилым, метров на 200 квадратных, со всеми теническими помещениями, типа санузла и ванны с кухней. Два нижних были рабочими. Быстро прогнав Нелуга по всем трем и, не увидев для себя что-либо новенького, Мишка просмотрел и Кавказский вариант, который оказался действительно "резервным" входом и имел всего лишь небольшую рабочую камеру, размером три на три метра. Зато доступ к этой камере был так же обставлен на все 100%. Парочка шаровых молний, микроволновка и хлопушки, такова система порогов и преодолеть ее любопытному было очень не просто.

– Ну, что ж, Кавказ пока оставим, хотя там сейчас весело, но мы и не собираемся соваться непременно сегодня. Займемся Альпами. Как они там называются в этом месте? Баварские. Вот туда и отправимся.

Сергея, услышавший про Йогана Вернера готов был отправиться немедленно в 1942-ой, чтобы лично взглянуть, как эта "морда фашистская" будет ломиться в допотопные "закрома". Даже про свадьбу предстоящую забыл.

– Ладно, женись сначала и, сразу отправимся. Тебе вообще-то медовый месяц положен. Куда думаешь отправиться? – напомнил ему Мишка.

– Думаю куданибудь, где тепло.

– Ты что хочешь сразу Анну огоршить?

– А чего тянуть? Подключу Екатерину к процессу. Дня за два подготовлю теоретически, ну и потом целый месяц будет на адаптацию.

– Рискованно. Психика может не выдержать. Получишь психопатку жену.

– Так что мне ее до свадьбы туда-сюда потаскать? На случай если свихнется? Ничего, у нее здоровья душевного столько, что у нас с тобой у двоих столько нет. Ну и ты на крайняк "перстами пошуршишь". Вон как ловко этого "децибила" подлечил. Мамаша его прямо не нарадуется. Недавно ее встретил, светиться вся. Он уже в "мухе" на первом курсе. Силиверстович посодействовал, ну а я кой-какие документы выправил. Так что рисует парень маслом.

– Не рисует, а пишет. Быстро, однако, он разрыв ликвидировал.

– Ну вот, если что, то посодействуешь реабилитации бедной Аннушки. Я на тебя надеюсь, как на психотерапевта. Катюша с ней уже начала разговоры на эту тему. Она здесь последние несколько дней со свадьбой помогает.-

Свадьбу сыграли, как положено и прошла она без скандалов и поножовщины, чего Мишка опасался, так как слухи до него дошли, что обиженный на семейство Силиных предыдущий жених Путятин, грозился якобы "кровищу пустить всем".

"Кровищу пустить" – это конечно он сгоряча, осерчав, обещался, а вот устроить скандал вполне мог, испортив гостям настроение. Поэтому охрана была у новобрачных с самого утра, как у олигархов. Не считая троих братьев Аннушкиных, рядом находился постоянно сам Мишка и еще десяток крепких ребят из "кадетов", которые приняли участие в свадебных "забавах" с удовольствием. Без курьезов, правда, не обошлось. Только расселись за столы и успели крикнуть первое "Горько", как заявился вдруг этот самый Путятин с "кувшинным рылом", припер огромный тюк мануфактуры в подарок и долго распибался в преданности всему семейству Силиных.

Пришлось усадить его за стол. Гнать было не за что хоть и не зван, а стало быть, "хуже татарина". Сидел Путятин смирно, заливая "рыло кувшинное" медом и вином заморским в бутылках, которые выстреливали пробку в потолок, когда их открывали и чем приводили присутствующих в восторг необыкновенный. И ведь усыпил бдительность подлец своим смирением. И когда гости пошли в пляс, да так что швейная мастерская, в которой это происходило, затряслась, выбрал подлец момент и увел невесту.

Что он там ей наплел, но вышла Аннушка с ним своей волей, а через минуту спохватившийся Серега уже рвал и метал. Украли невесту. Позор для жениха ну и естественно позор для братьев, вычисливших моментально виновника этого позора. А виновник, понимая, что уйти ему далеко не дадут, бежать и не думал. Заперся в мастерской белошвеек на засов и требовал выкуп за невесту. Вообще-то обычаями русскими такая ситуация вполне допускалась и пришлось заплатить шустряку с "кувшинным рылом". Выкуп – перекрывший стоимость принесенной в дар ткани раз в сто.

Получив заверение, что деньги приготовлены Путятин выпендриваться не стал и засов сдвинул, получив сразу и выкуп, и четыре удара в челюсть. Повезло ему несказанно, что шустрее всех оказался младший из братьев и таким образом отделался подлец только ссадиной. Поплевался полчаса кровью и довольный "гешефтом" убрался со свадьбы.

Дальше все прошло без происшествий. Пили, пели, плясали. Отправили молодых почивать и опять пели и плясали. И так три дня.

А через три дня Серега с Аннушкой собрались и уехали в свадебное путешествие.

Братьям было сказано, что в Рязань, на родину жениха, чтобы не беспокоились, а на самом деле Серега пошел по той же протоптанной уже Мишкой тропинке. Сначала перебросил жену в Федоровку в избенку Силиверстовича, где Тихоновна постаралась своим присутствием сгладить эффект переноса во времени, объясняя Аннушке все своим языком, который оказался гораздо доходчивее и понятнее для девушки из века 18-го. Телевизор, так же как и на Катюшу произвел на Аннушку самое ошеломляющее впечатление. Она испуганно смотрела

на изображение и никак не могла понять, почему в этом коробе все живое, а выйти из него не может:

– Волшебство,– шептала Аннушка, крестясь. А Серега щелкал пультом, переключая каналы, убавляя и прибавляя звук. Пытаясь пояснить, что это всего лишь машина. Вроде швейной, только посложнее чуток.

– Ну да?– тряслась Аннушка,– не веря его объяснениям и не понимая их. Пока за дело не взялась Тихоновна. Она попросту выдернула шнур из розетки, отключив телевизор и пояснила, показывая штепсель:

– Вот и все волшебство. Вставил, вынул. Включил, выключил. Ящик и ящик. Ничего страшного. Картинки живые показывает. Эка невидаль. Не пахнут и потрогать нельзя. Да любой цветочек у меня на огороде волшебнее этого телевидения. И потрогать, и понюхать, и даже сорвать можно,– слова Тихоновны оказались настолько убедительными, что Аннушка перестала шарахаться от "чудо короба", а через пару дней уже с удовольствием смотрела мультики. Особенно Аннушке понравился мультфильм про "Цветочек Аленький", даже всплакнула над бедной долей заколдованного красавца.

Ну а уж после знакомства с телевизором все остальное было опять же проще. В Питере ее встретили знакомые лица Катюши, Нины Андреевны, Мишки, Петра Павловича и Федора Леонидовича. Адаптация прошла даже лучше чем у Катюши. Плакать Аннушка вообще не стала, сразу поняв, что время оно Божье, а люди живут в нем временно, когда Он им укажет. И все по Воле Его.

Серега, услышав такую формулировку, возражать не стал и неделю таскал жену по всему городу. А потом увез на Канары.

Вернулись они перед самым Новым годом и дни до Рождества пролетели как всегда со скоростью необыкновенной. Мишка за это время соваться в Альпы не стал. Разобрался с Кавказом, ликвидировав точку и стерев в буквальном смысле даже малейшие следы ее на местности. Пара цилиндров – это все что там было и, теперь они стояли в холле резиденции Рерюфа, рядом с таким же из нулевого уровня.

Серега, просмотрев видеозапись с порогами безопасности, даже присвистнул несколько раз:

– Мне не проломиться в этих Альпах. Выбрасывать будет после каждого порога сюда. Шесть раз умереть, чтобы попасть. Это удовольствие конечно незабываемое. Что предлагаешь?

– Да нам-то нафиг по этим порогам шляться? Проскочим сразу в "бункер", два аппарата автономных в распоряжении есть. Хотя если хочешь поиграть в "кошки-мышки" со смертью, то возражать не имею право. Дело твое. "Шок – это по-нашему", как тут долбят постоянно в одной идиотской рекламе.

– Нет "шок" мне нахрен не нужен. Давай в "бункер" сразу. Там видеонаблюдение есть?

– Обижаешь. По камере на метр квадратный. Солидно все обставлено. Чуток от времени подзакисло, но восстановить получилось.

– Значит, сможем во всех подробностях наблюдать, как эта "морда фашистская" из "Анэвербэ" будет ломиться?

– Без проблем. Он в феврале ломиться примется. Рапорт от 5-го числа. Появимся там 4-го. Так что шоу это по любому не пропустим.

Четвертое Февраля 1942-го года в Восточных Альпах на высоте 1484 метра выдалось снежным и ветреным.

Подразделение "Анэвербэ" в количестве роты копошилось на этой вершинке, называемой народом окрестным, почему то "Чертовой", уже вторые сутки. Именно здесь предполагалось организовать работы по постройке охранного периметра, который должен был охватить комплекс бункеров условно именуемых "Альпенфестунг"– Альпийская крепость и предназначение которой никому известно не было.

Рядом с городишком Оберзальцбургом уже были организованы пара лагерей для военнопленных, как грубой рабочей силы, которые должны были в самые кратчайшие сроки произвести огромный объем работ, по выемке скального грунта. Военнопленных даже кормили в этих лагерях почти нормально, рассчитывая таким образом сэкономить на подвозе свежих.

Полковник Йоган Вернер, родившийся в Гамбурге, не любил горы. Он любил море и не понимал, как можно любить нагромождения каменных глыб с этим снегом, летящим в лицо.

Вот и сейчас он сидел в палатке у походной печурки и грел об ее бока замерзшие руки. Обер-лейтенант, командовавший ротой выделенной Вернеру, прибежал с докладом о том, что обнаружен солдатами вход в пещеру явно искусственного происхождения. Старлей топтался при входе, не решаясь войти внутрь, закончив доклад.

– Ну, что же, пойдём, посмотрим, что там твои подчиненные откопали, – проворчал полковник, отрывая руки от горячих печных боков и натягивая меховые перчатки. – Тут этих искусственных пещер нарыто за тысячи лет столько, что и смотреть-то наверняка не на что. Камень выковыривали ценный. Альпы вообще, как сыр Швейцарский, весь из дыр. Веди. –

Вход обнаруженный, оказался правильной четырехугольной формы и уже этим самым заинтересовал полковника настолько, что он сам лично соизволил шагнуть вовнутрь рассчитанного участка пещерки. Судя по сводам, просматривавшимся достаточно далеко, пещера представляла из себя пространство метров в двести квадратных, вытянувшегося вправо и влево от обнаруженного входа и забитого снегом и мелкими валунами.

Вернер оглядел внимательно и даже пощупал стены пещеры, которые были неестественно гладкими, просто блестели, как отполированные и это заинтересовало полковника еще больше.

– Очистить, – коротко распорядился он и, повернувшись, вышел.

– За военнопленными послать? – осведомился обер-лейтенант, но Вернер глянул на него с таким выражением, что старлей понял, что вопрос не правильный, а полковник процедил сквозь зубы:

– Полдня будете их сюда вести. Я не собираюсь тут торчать ни одного лишнего часа. Обойдитесь своими силами. Скоро задницу вам будут пленные подтирать. Совсем работать руками разучитесь, – полковник повернулся и запрыгал вниз по склону к уютной палатке. С кофе в термосе и теплой печуркой, которая пыхала дымом на зависть всем остальным военным, копошащимся в снегу и мечтающим поскорее вернуться на ночь в теплую казарму.

– Яволь! – козырнул обер-лейтенант и прошептал:

– Черт тебя подери, – ему очень не нравился этот полковник высоколобый, кичливый и заносчивый, которому он вот уже неделю вынужден подчиняться, таскаясь по этим треклятым горам, которые старлей так же не выносил, хоть и родился в Австрии и горы торчали в окна его родного дома своими вершинами с самого детства. Однако отдохнуть в горах с какой-нибудь фройляйн, повалявшись с ней в снегу – это совсем не тоже самое, что копошиться в этом же снегу с сотней подчиненных тебе солдатиков с утра до ночи, да еще в лютый мороз – 15-ть градусов по Цельсию.

Обер-лейтенант вздохнул, нахлобучивая потуже фуражку с меховыми наушниками и, выместил досаду на подвернувшемся комвзводе – лейтенанте.

– Герр лейтенант Штаубе, ускорьте расчистку, если не хотите заночевать в полевых условиях и закройте рот, кишки простудите, – подковырнул он лейтенанта, который вечно ходил с приоткрытым ртом, демонстрируя всем свой отвратительный прикус. – Всех касается, – рявкнул обер-лейтенант и, закурив сигарету, спрятался за валуном от свирепеющего ветра.

На расчистку пещерки ушло ровно три часа. Весь личный состав, по причинам понятным, принял в работе самое активное участие и забился в освобожденную от камней пещеру весь целиком, надышав так, что, пожалуй, в ней даже стало тепло.

Пещерка, вытянувшаяся метров на пятьдесят и шириной метра четыре, представляла из себя эллипс геометрически настолько правильный, что даже рядовые солдаты, оглядывая ее, чесали озадаченно затылки.

Полковник Вернер, вошедший в заполненную людьми пещеру, недовольно сморщился. Накурено было так, что ело глаза ему некурящему.

– Все вон, – распорядился он, и солдатики неохотно потянулись к выходу, подгоняемые офицерами.

– Скажите, герр обер-лейтенант, почему в вашей роте столько офицеров? С вами всего восемь человек. Командиры взводов лейтенанты, но зачем у них в помощниках тоже лейтенанты? Разве унтер-офицеры не могут справиться с этими обязанностями? – поинтересовался полковник, осматривая опустевшую пещерку.

– Так точно, герр Оберст, могут. Не могу знать причину, но я слышал, что нас должны укрупнить, поэтому офицеры присланы, а рядовой состав на подходе. Не отмотобилизован. Чтобы офицеры не прохлаждались, временно дублируются должности.

– Вот как значит. Понятно. Любопытная пещерка. Не находите, герр обер-лейтенант?

– Так точно, – "ел глазами" начальство старлей.

– Ну, что вы орете? Оглушили совсем. Убавьте громкость и рот закройте, кишки застудите, – последняя фраза, сразила обер-лейтенанта наповал, он даже "Яволь" забыл рывкнуть от растерянности, – "Какой рот? Что он несет? Сроду он у меня как надо прикрыт", – думал обер-лейтенант, наливаясь краской обиды, чем рассмешил обидевшего его полковника.

– Да вы никак обиделись, обер-лейтенант? Для офицера Рейха – это слабость непозволительная. Характер следует вырабатывать нордический, а вы как институтская фройляйн раскраснелись. Пошутил я. Рот у вас в порядке, – полковник двинулся вдоль внутренней стены, слегка постукивая по ней, подобранным с пола камушком. Пройдя от одного края пещеры до другого, он вернулся к замершему столбом обер-лейтенанту и распорядился:

– Один взвод в оцепление, остальных сюда и пусть проверяют стены на пустоты. Выдать каждому по булыжнику вот такому, – полковник нагнулся и поднял с пола камень весом кило на три.

– О результатах положительных доложить немедленно, – добавил полковник, покидая пещерку и, через минуту уже сидел опять у своей печурки, грея о ее бока озябшие руки.

Обер-лейтенант пожав плечами, построил роту и, отправив первый взвод, поскучевший лицами, в оцепление, загнал остальной личный состав обратно в пещеру, приказав прихватить по булыжнику и обстучать стены, разыскивая пустоты.

Приказ подчиненные выполнили так резво, что чуть не сбили своего командира с ног, кинувшись его выполнять в уютную пещеру. Минуту спустя, грохот стоял как на хорошей суковально-дубильной фабрике.

Примчавшиеся офицерики из взвода оцепления, так же ринулись в пещеру погреться. Обер-лейтенант, не видя в этом нарушения устава, вошел следом за ними. Тут-то и полыхнуло, так что даже полковник сидящий спиной к выходу из палатки на несколько секунд ослеп и выполз из нее, протирая слезящиеся глаза.

Проморгавшись, он уставился в сторону квадратного входа, из которого валил черный, смрадный дым. Длинная полоса растаявшего альпийского снега, начинающаяся от него, ясно давала понять, что именно оттуда только что блеснуло пламя, выжигая в снегу и грунте талую, спекшуюся полосу. Метров через пятьдесят начинался резкий уклон, и энергия вспышки ушла в пространство, заматавшись от горизонта к горизонту гулким, ревущим эхом.

– О, майн, Гот! – прошептал полковник, медленно приближаясь к входу в пещеру. А в ее сторону уже спешил взвод оцепления, брэнча амуницией и недоуменно переключаясь.

– Что там случилось, Ганс? – орал какой-то солдат и Ганс отвечал само собой, как любой бы на его месте:

– Черт его знает. Полыхнуло что-то. На взрыв похоже.-

Еще через минуту весь первый взвод, оставшийся в живых, столпился рядом с входом, опасливо в него, дымящий, вглядываясь.

– Унтер-офицер, как там вас, ко мне,– полковник пришел в себя и принялся распоряжаться.

К нему подскочил унтер офицер и затараторил, шмыгая простуженным носом:

– Унтер офицер первого взвода, третьей роты Отто Шнейдер, герр Оберст.

– Вот что, унтер офицер. Там вероятно с вашими сослуживцами что-то произошло. Судя по запаху – их сожгло заживо. Пошлите солдата-добровольца в противогазе, пусть обследует пещеру и доложит, что там.

– Яволь, герр Оберст, но противогазов с собой не имеем.

– Черт побери. Пусть замотается шарфом, бинтом. Подручными средствами. Дым уже не так интенсивно валит. По-пластунски пусть вползет,– разозлился полковник. – Выполнять.

– Яволь!– унтер офицер приступил к выполнению приказа незамедлительно, мгновенно назначив "добровольца" и лично замотав индивидуальным перевязочным средством так, что из-под бинтов поблескивали только его испуганные глаза.

– Предупреждал я тебя, Карл, осторожнее чеши языком в курилке, вот и пеняй теперь сам на себя,– злорадно шипел Отто Шнейдер, стягивая крепкие узлы на затылке "добровольца" Карла.

– Да когда же это я трепался в курилке?– промычал сквозь бинты Карл.– Ввели вас в заблуждение, герр унтер-офицер. Я к вам как к отцу родному всегда относился.

– Вот и полезай, сынок. Вернешься обратно живым, к медали за храбрость представлю. Шнель. Я сам слышал, как ты меня хорьком назвал.

– Так это же в хорошем смысле назвал. Дескать, ловок у нас герр унтер-офицер,– выкручивался Карл.

– Да? А почему "вонючий хорек"?

– Так потому что "вонючий" еще круче.

– Ну, вы "хорьки вонючие",– оборвал их дискуссию полковник Вернер.– Я тут долго слушать буду, полемику эту зоологическую?

– Никак нет, герр Оберст,– козырнул унтер-офицер.– Форвертс, Карл, потом поговорим. Карл перекрестился и уполз в пещеру, бормоча молитву пресвятой деве Марии.

Вернулся он через пять минут, кашляя, со слезящимися глазами и простонал, отплеываясь:

– Головешки обугленные. Даже винтовки лужами растеклись. Вот это пекло,– Карл жадно хватал ртом свежий воздух.

– Что еще увидел? Источник, откуда полыхнуло?

– Там отверстие в стене имеется, черное, большое. Пролом, – прокашлял Карл, хватая горстями снег и жадно набивая им рот.

– Очень хорошо,– кивнул полковник.– Унтер-офицер, оставьте одно отделение охранять вход, остальным вернуться в расположение,– повернувшись, он порысил вниз, шевеля губами. Очевидно, составляя докладную вышестоящему начальству.

Мишка с Серегой наблюдали за всеми телодвижениями роты Анэвербэ через систему видеонаблюдения, которая частично была занесена снегом, но вмонтированная густо по периметру, с учетом розы ветров, она позволяла все же во всех подробностях рассмотреть все акты происшедшей трагедии от первого и до последнего. Возле входа в пещеру осталась пара часовых, а остальные уныло сползли следом за Оберстом, поминая его матушку.

Полковник напротив весь преобразился и продемонстрировал просто таки неслыханную активность. По рации он немедленно запросил помощь, объяснив, что объект аномально-неординарный и через час пара рот из элитной дивизии "Адольф Гитлер" уже брали под контроль

прилегающую к объекту местность, а еще пара рот выстроилась недалеко от командирской палатки, чтобы получить дальнейшие указания.

Пригнали еще часок спустя и заключенных из концлагеря, в количестве пары сотен. Их тут же загнали прикладами и овчарками в пещеру, из которой на счастье военнопленных смрад несколько повыветрился за прошедшие часы и дышать уже можно было вполне.

Короткий зимний день тем временем заканчивался, морозец стал крепчать, и все мероприятия решено было все же отложить на утро.

Заключенным, закончившим уборку пещеры от останков трагически сгоревших немцев, разрешили отдыхать до утра, согнав их в одну сторону пещеры, где они, сбившись в полосатый плотный ком, забылись в безрадостных снах. Утром же, чуть начало светать, их снова подняли и выгнали из пещеры, чтобы... покормить баландой, которая была привезена еще вечером и теперь ее выковыривали из термосов винтовочными штык-ножами, ссылая ледяные пайки в подставляемые полосатые, «головные уборы».

Уборами эту мерзость назвать вообще-то язык не поворачивался, но как замена посуды в данном случае они вполне годились, и военнопленные жадно набрасывались на замерзшую комьями баланду из картофельных очисток и рыбных голов.

– Вот сволочи,– сплюнул Серега, наблюдая, как грызут ледяную мерзость военнопленные.– Самих бы заставить такое хавать козлов. Ты думаешь, зачем они сюда этих с мишенями на спинах пригнали? Правильно – вперед пустят, чтобы сюрпризы все им достались. Что делать будем?

– А что тут делать? Отключим пороги, да и все. Пропустим эзков, потом опять включим.

– Сможешь?

– Без проблем.

Военнопленных после завтрака ледяного опять загнали в пещеру и паре человек приказали войти в черный провал, со спекшимися от жара краями. Те обреченно шагнули внутрь и двинулись в темноту. Ринувшиеся следом эсэсовцы с электро-фонарями рывкнули:

– Хальт!– останавливая их и спустив дальше овчарок, которые умчавшись в одну сторону, через минуту выскочили с противоположной стороны, радостно повизгивая.

Командовавший эсэсовцами штурмбанфюрер и полковник, посовещавшись, пришли к однозначному выводу, что открывшийся туннель, очевидно, закольцован и следует его тщательно обследовать. Для этой цели всех заключенных тут же разбили на две равные партии и отправили в разные стороны по туннелю с сопровождающей их охраной.

Через две минуты по рации доложили, что группы встретились и ждут указаний. Никаких ответвлений из туннеля не обнаружено.

– Очевидно, герр штурмбанфюрер опять нужно искать пустоты на внутренней стене туннеля,– высказал предположение Йоган Вернер.– Пусть полосатые свиньи ходят и стучат, но не сильно. Нам нужно только определить пустоту, а не получить еще пару сотен трупов,– штурмбанфюрер недовольно скривился, но возражать не стал, предупрежденный руководством, что этот полковник в форме Вермахта не так прост и вхож к самому Фюреру.

– Гауптштурмфюрер, вы слышали? Распорядитесь,– скомандовал он и машина завертелась. Рычали овчарки, добавляя энтузиазма и, охрана забегала, распределяя военнопленных по всему периметру туннеля.

Послышались первые робкие стуки камнем о камень и, вот уже дробные перестук заполнил тоннель, вытесняя из него вековую тишину.

Проход вероятный был определен довольно быстро, не прошло и десяти минут, как уже примчался лично с докладом шарфюрер и доложил, что есть что-то.

Место, у которого топтался военнопленный верзила двухметрового роста, было освещено сразу десятком фонарей, но даже при таком освещении обнаружить каких либо признаков входа не удалось.

– Ударить нужно сильно, как в предыдущий раз. Молотом, – принял решение полковник, обращаясь исключительно к штурмбанфюреру.

– Нужно вывести людей. Оставить вот этого Ивана. Пусть ударит. Я ему сейчас сам все объясню.

– Вы знаете русский язык?– обрадовался штурмбанфюрер.

– Учил в Гамбургском Университете пять лет.

– Это очень хорошо. Наша переводчица больна и сейчас мы вынуждены использовать русского еврея. Но что там переводит им эта свинья? Объясните герр полковник, остальные марш отсюда, – охрана засуетилась, подгоняя к выходу полосатую толпу, а полковник, оставшись рядом со здоровяком, подсвечивая фонарем ему в лицо, принялся объяснять русскому, что от него требуется:

– Иван, ты должен сильно стучать в этот стена. От верх до низ молот. Я ушел, тогда ты стучать. Все понимал?– Русский кивнул, шурясь от бьющего в глаза электрического света.

– Я оставляю фонарь,– полковник положил фонарь на пол, направив луч в сторону военнопленного.– Стучать по моей команда. Крикну "марш", стучать,– полковник повернулся и торопливо пошел прочь. Дойдя до пролома в пещеру, он шагнул в нее, и крикнул:

– "Марш",– однако, звука ударов не последовало.

– Свинья,– выругался полковник.– Где этот русский еврей?– охрана выхватила из толпы полосатой, бледного с ярко выраженными семитскими чертами лица человека и швырнула его к ногам полковника.

– Слушай, юде, пойд и скажи этой русской свинье, что если он не начнет стучать, то мы начнем расстреливать по десять человек каждую минуту, после того как ты ему это передашь, – еврей нырнул в туннель и помчался в сторону здоровяка, крича ему на бегу:

– Дмитрий, немец сказал, что расстреливать начнет по десять человек, стучать нужно.–

Мишка с Серегой наблюдали, как скривилось в судороге лицо Дмитрия, как взял он за рукоять кувалду, неизвестно откуда взятую здесь в горах эсэсовцами, как размахнулся и грохнул ей по стене, проламывая её. Еще два удара и камни, с глухими шлепками валясь в озерцо нефтяное, обозначили следующий проход.

Глава 5

Немцы с идентификацией жидкости справились в рекордно короткое время. Ткнули штыком в маслянистую субстанцию, нюхнули:

– Нефть, герр штурмбанфюрер,– глубину тоже определили озерца нефтяного оперативно, столкнув в него русского еврея, удачно под руку подвернувшегося.

– Полметра, герр штурмбанфюрер,– столкнув туда же еще десяток военнопленных, заставили обойти по периметру, подсвечивая им фонарями через пролом. Естественно, что ничего примечательного ими обнаружено не было и совместным мозговым штурмом руководителей было принято единственно правильное решение – вычерпать к чертям собачьим, силами заключенных эту вонючую нефть.

Послали сообщение, с требованием доставить несколько десятков ведер и через пару часов живая полосатая цепочка уже передавала их наполненные нефтью из пещеры.

Последний военнопленный выливал нефть и мчался с пустым ведром в туннель, подготавливаемый прикладами и зубами собак, поэтому процесс осушения озерца занял не сутки, как предполагал Мишка, а всего лишь пять часов.

Последние лужи и собирать не стали, увидев открывшийся квадратный люк посередине озера.

– Стоп!– прозвучала команда, и полковник со штурмбанфюрером лично изволили ступить на скользкое от остатков нефти дно. Размахивая руками, они добрались до люка и принялись его рассматривать в лучах фонаря.

– Отложим до следующего утра. Время ужинать,– бросил взгляд на часы штурмбанфюрер. – Или у вас есть, герр Вернер, иное предложение?–

Полковнику, конечно же, не терпелось схватиться за торчащее из люка кольцо, но... режим есть режим. С этим не станет спорить ни один настоящий немец. Поэтому он кивком выразил свое согласие и направился к выходу.

Заключенных опять выгнали вон на мороз, повторив процедуру кормежки. Но в этот раз баланда еще не успела замерзнуть и, каждому была выдана алюминиевая миска с роскошным нацистским орлом, отштампованным на ее дне.

Ложки, правда, выдавать не стали, зато хлебом обрадовали, хоть и с опилками, но вполне съедобным. А уж когда принялись в конце кипятка плескать из термоса в миски, то у многих военнопленных даже слезы на глаза навернулись от радости.

На ночь всех опять загнали в пещеру и к полной радости заключенных в туннель, в котором было и суше и вони меньше. У входа залег пулеметчик, отогнав полосатых метров на тридцать в глубину и ствол МГ, поворочавшись влево и вправо, замер, удовлетворенно уставившись в овальный свод тоннеля.

Заключенные опять сбились в плотную кучу и, вскоре туннель наполнился сонным дыханием, хриплым, простудным с лающим кашлем, но все же сонным.

– Запирай первый порог. По-моему пора,– кивнул Серега на экраны мониторов, на которых в режиме ночного видения, спали заключенные, бродили часовые и рвались с поводков овчарки.

– Пора, так пора,– согласился Мишка, одевая браслет. В пещере при этом слегка громыхнуло, и проход исчез, будто его и не было. И только торчащий из гранита пулемет, прихваченный точно посередине, напоминал о том, что он все-таки здесь был.

Ошеломленный пулеметчик, тупо уставился на вмурованный в стену МГ и даже подергал его за приклад, не веря собственным глазам. Потом снял каску и вытер пот, заливающий глаза.

– Эй, Курт,– крикнул он, не оборачиваясь. – Взгляни-ка сюда,

– Шарфюрер – Курт Дитлер, очень гордившийся своей фамилией отличающейся от фамилии Фюрера всего на одну букву, недовольно откликнулся:

– Что за неуставная фамильярность шютце, Мольтке Фриц? Если мы с тобой учились в одном классе, то это не дает тебе право забывать о субординации.

– Виноват, шарфюрер, но пулемет в стену замуровало вместе с проходом.

– Что ты несешь, шютце?– подскочил с фонарем шарфюрер и тоже тупо уставился на застрявший пулемет.

– Как это, Фриц, произошло?– промямлил он, забыв о субординации.

– Спроси у своей покойной бабушки, Курт. Раз и не стало прохода, еще и гроыхнуло слегка. Я еще подумал, что за гром зимой.

– Точно – и я подумал. Нужно срочно доложить,– шарфюрер развернулся и выскочил из провонявшей пещеры.

Военнопленные же спали, не подозревая даже, что уже несколько минут, как отделены от своих надсмотрщиков гранитной стеной и целой полудюжиной порогов, которые преодолеть теперь с кувалдой наперевес способно только лично высшее руководство рейха под номером три. Остальным представителям рода Человеческого Мишка такой чести не предоставил.

– Разберут вершинку на щебенку. Сгонят сюда с кирками тысяч десять пленных и про-
рвутся. К бабке не ходи,– высказал свое мнение Серега.

– Ну, пока сообразят, пока решение примут, пока народ подгонят. Пара месяцев у нас точно есть. А мы им еще на прощанье тут шоу устроим. Пошли мужиков будить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.